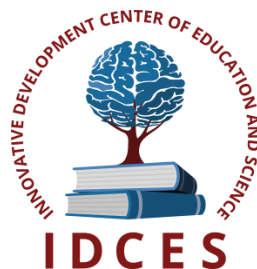

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

О ВОПРОСАХ И ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(6 июля 2015г.)**

**г. Челябинск
2015 г.**

О вопросах и проблемах современных общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Челябинск, 2015. 43 с.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Арефьева Ирина Александровна (с.Краснореченское), кандидат исторических наук, доцент Арчебасова Надежда Анатольевна (г.Волгоград), доктор философских наук, профессор Билогур Влада Евгеньевна (г.Мелитополь), доктор социологических наук, доцент Бондаренко Галина Ивановна (г.Краснодар), кандидат философских наук Бреслер Михаил Григорьевич (г.Уфа), доктор политических наук, профессор Вартумян Арушан Арушанович (г.Пятигорск), доктор философских наук, доцент Воденко Константин Викторович (г.Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор Воронкова Валентина Григорьевна (г.Запорожье), кандидат социологических наук Жегусов Юрий Иннокентьевич (г.Якутск), доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Зинченко Виктор Викторович (г.Киев), кандидат философских наук, доцент Канц Наталья Александровна (г.Ставрополь), доктор исторических наук, профессор Малышева Елена Михайловна (г.Майкоп), доктор политических наук, доцент Марков Евгений Алфеевич (г.Череповец), доктор социологических наук, доцент Маслова Татьяна Федоровна (г.Ставрополь), кандидат социологических наук Насыбуллин Алексей Альбертович (г.Казань), кандидат философских наук Осина Оксана Николаевна (г.Саратов), доктор социологических наук, профессор Ростовская Тамара Керимовна (г.Москва), кандидат исторических наук, доцент Соловьянов Николай Иванович (г.Красноярск), доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна (г.Пятигорск)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «О вопросах и проблемах современных общественных наук» (г. Челябинск) представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области общественных наук Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00).....	6
СЕКЦИЯ №1.	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02).....	6
ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ XVIII–XIX ВВ. В ИЗУЧЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УДЕЛЬНОЙ РУСИ	
Малето Е.И.....	6
КОМИТЕТЫ БЕДНОТЫ, КАК ОСНОВА ПОЛИТИКИ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»	
Туфанов Е.В.	17
ФОРМИРОВАНИЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	
Кравченко И.Н.	19
СЕКЦИЯ №2.	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)	21
О КУЛЬТАХ I ИТАЛИЙСКОГО ЛЕГИОНА НА БАЛКАНАХ	
Соловьянов Н.И.	21
СЕКЦИЯ №3.	
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06).....	23
СЕКЦИЯ №4.	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)	23
СЕКЦИЯ №5.	
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)	23
СЕКЦИЯ №6.	
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)	23
ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)	23
СЕКЦИЯ №7.	
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07).....	23
ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00).....	23
СЕКЦИЯ №8.	
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)	23
СЕКЦИЯ №9.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)	23
СЕКЦИЯ №10.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03).....	23
СЕКЦИЯ №11.	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)	23
СЕКЦИЯ №12.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)	24
СЕКЦИЯ №13.	
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)	24

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)	24
СЕКЦИЯ №14.	
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01).....	24
СЕКЦИЯ №15.	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)	24
СЕКЦИЯ №16.	
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04).....	24
БИЗНЕС, ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
Ургалкин Ю.А., Бондарев С.И., Чеджемов Г.А.	27
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (НА	
ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)	
Кочина Е.А.	27
СЕКЦИЯ №17.	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)	29
СЕКЦИЯ №18.	
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06).....	29
СЕКЦИЯ №19.	
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08).....	29
ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ	
РЫНКОВ ТРУДА	
Черных А.Б.	29
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)	
СЕКЦИЯ №20.	
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01).....	31
СЕКЦИЯ №21.	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03).....	31
СЕКЦИЯ №22.	
ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)	31
СЕКЦИЯ №23.	
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05).....	31
СЕКЦИЯ №24.	
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07).....	32
СЕКЦИЯ №25.	
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08).....	32
СЕКЦИЯ №26.	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11).....	32
ДОВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-	
ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА	
Глушко И.В.	32
ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ ДО	
СОВРЕМЕННОСТИ	
Сомкина А.Н.	34
ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ РОДИТЕЛЬСТВА МОЛОДЁЖИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	
Исаков А.В.	36

СЕКЦИЯ №27.	
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)	38
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА	
Петрова Н.Н., Андреев Я.С., Федотов А.Р.	38
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)	40
СЕКЦИЯ №28.	
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14).....	40
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД	41

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)

ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ XVIII–XIX ВВ. В ИЗУЧЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УДЕЛЬНОЙ РУСИ

Малето Е.И.

Д.и.н., Институт российской истории РАН, г.Москва

Развитие исторической науки как процесс исследования неизбежно связано с постановкой и разрешением различного рода актуальных научных проблем. Одна из них – дипломатия удельной Руси – малоисследованная, но перспективная тема современных и пока немногочисленных научных трудов [39, с. 6-13]. Она имеет широчайший региональный охват и представляет интерес для отечественных и зарубежных специалистов, которые изучают внешнеполитическую историю, а также сложные и одновременно противоречивые процессы становления российской государственности. Перспективность изучения и новизна проблемы обусловлена, прежде всего, отсутствием специального монографического исследования по теме.

Как известно, «... наука базируется на общей сумме знаний, и при всех ее выдающихся новейших достижениях она немыслима без знания трудов предшественников»[29, с.3]. Поэтому обращение автора к творческому наследию представителей дореволюционной историографии, которые внесли важный вклад в изучение вопросов дипломатической истории средневековой Руси, а также в расширение источниковой базы самих исследований, стало важным и своевременным.

XVIII столетие, в особенности его вторая половина, стало временем формирования самой русской исторической науки, у истоков зарождения которой стоял В.Н. Татищев и Императорская Академия наук [54]. Начало столетия было временем перехода от разрозненных знаний к формированию специальных кадров ученых–историков, созданию новых научных учреждений, специальных периодических изданий и университетских центров. История наряду с юриспруденцией и языкознанием постепенно стала выделяться из круга гуманитарных дисциплин, получили свое обоснование предмет и методы исторического исследования.

В 1760–1770-е годы XVIII в. были созданы труды, сыгравшие ключевую роль в становлении и развитии отечественной исторической науки: в 1766 г., через год после смерти М.В. Ломоносова, вышла в свет его «Древняя российская история»; в 1767 г. опубликован первый том «Истории российской» Ф. Эмина, а еще через год появилась первая часть первой книги «Истории Российской с древнейших времен» В.Н. Татищева – доведена до 1577 г.[37; 71, 61]. Ведущее значение в этом ряду приобрел труд В.Н. Татищева. Осознавая важность исторических знаний для развития России, ученый сосредоточился на изучении политической истории государства Российского, которая тесно связана с деятельностью исторических личностей (князей, царей). В.Н. Татищев охарактеризовал особенности русского исторического процесса в сравнении с западными, византийскими и восточными традициями, предпринял попытку дать общую картину событий нашествия ордынцев и оценить его роль в русской истории. Он открыл для науки древние церковные истории, подчеркивал ценность летописей, ввел в научный оборот «Книгу Большого Чертежа» и другие исторические источники, а главное – положил начало историческим исследованиям, написанным на научной основе.

В 1770 г. М.М. Щербатов завершил работу над первым томом своего фундаментального труда «История российская с древнейших времен» – доведена до 1610 г.[69]. В приложениях к нему ученый впервые опубликовал документы из архива иностранной коллегии, где хранились статейные списки посольств, духовные и договорные грамоты князей с середины XIII в. (духовные и договорные грамоты московских князей дошли с 30-х гг. XIV в.; договоры с Новгородом – более ранние), памятники дипломатических сношений с последней четверти XV в. и другие рукописи. Таким образом, благодаря М.М. Щербатову, науке стали доступны материалы, важные для изучения внешнеполитической и дипломатической истории древней и средневековой Руси, что стало крупным достижением отечественной науки тех лет, оказавшим влияние на оценку многих событий и явлений ее истории. Тогда же были впервые напечатаны летописи и законодательные памятники: в 1767 г. – Кенигсбергская и Никоновская летописи; в 1768 г. – «Русская Правда».

С 1773 г. началась публикация первых томов «Древней Российской Вивлиофики». Она представляла собой обширное собрание старых актов различного рода: летописцев, старинных литературных произведений и исторических статей - ярлыки ордынских ханов русским митрополитам; договорные грамоты Великого Новгорода с Тверскими и Московскими великими князьями (1263–1571); духовные и договорные грамоты великих и удельных князей; частнопровольные акты бояр и дворян (1328–1585); статейные списки и описания посольств в разные страны и др. Инициатором этого издания выступил Николай Иванович Новиков (1744–1818). За три года (с 1773 по 1775 гг.) Н.И. Новиков сумел издать десять частей своего труда, который оказался востребованным не только современниками, но и потомками. Второе издание (1788–1881) вышло уже в двадцати томах[42].

Работа Императорской Академии наук, а также профессиональная деятельность историков, по преимуществу – иностранцев, связанных с академией (Т.Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, И.В. Паус, И.Э. Фишер и др.), стимулировали дальнейшее изучение историко-дипломатической проблематики [65]. Борьба с норманнской теорией, сформулированной в трудах Т.Г.З. Байера, невольно способствовала историко-генеалогическим, историко-филологическим и географическим изысканиям, а споры вокруг истории заметно повысили к ней общественный интерес, привели «... к всё большему использованию исторических сведений в законодательстве, дипломатии, общественно-политической жизни, науке»[23, с.162-164, 187].

Во второй половине XVIII – начале XIX столетия активный процесс накопления и систематизации исторических знаний о прошлом продолжился. Началась эпоха Просвещения. Она сопровождалась распространением образованности и специальных научных знаний (открывались университеты и другие учебные заведения, расширялись контакты с западноевропейскими учеными, оживилась издательская деятельность). Все это сказалось и на развитии исторической науки: были созданы условия для формирования профессионального сообщества историков, которые под влиянием просветительских тенденций того времени обратились к собиранию, публикации и источниковедческому анализу летописей, житий и т.п. Заметно расширилась проблематика специальных исторических сочинений. В сферу исследовательского интереса специалистов оказались вовлечены такие направления как история права, история Церкви, торговли, история Древней Руси, междукняжеские отношения удельного периода и др. Историей стали заниматься не только в столице, но и в провинции. Научным центром гуманитарных наук наряду с академией стал и Московский университет.

Вследствие растущего интереса к истории появились и специальные исторические общества[25; 36]. В 1804 г. приступило к работе «Московское общество истории и древностей российских», основанное при Московском университете по инициативе Шлёцера и объединившее таких выдающихся представителей тогдашней исторической науки, как Н.Н. Бантыш-Каменский, К.Ф. Калайдович, Н.М. Карамзин, А.Ф. Малиновский, П.М. Строев и др. В 1805 г. открылось Казанское общество любителей отечественной словесности, в 1817 г. – Харьковское общество наук, а в 1839 г. – Одесское общество истории и древностей.

Граф Н.П. Румянцев (1754–1826) – историк и дипломат, собрал вокруг себя кружок любителей русской истории (А.Х. Востоков, П.М. Строев, Н.С. Арцыбашев и др.), члены которого проделали большую работу по разысканию и публикации исторических источников. Деятельность «Румянцевского кружка» увенчалась великолепными публикациями, а также созданием Музея древностей, рукописная часть которого составила основу документальной коллекции Отдела рукописей Российской государственной библиотеки в Москве[35].

Кроме того, граф Н.П. Румянцев стал одним из инициаторов издания сборника государственных грамот и договоров, первый том которого вышел в 1813 г. под заглавием «Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел». Во вступлении к первому тому его главный редактор Н.Н. Бантыш-Каменский так объяснял причины и цель издания: «испытатели древностей Российских и желавшие приобрести познание в дипломатике отечественной не могли довольствоваться неисправными и противоречащими отрывками грамот в Древней Вивлиофике помещенных, ибо потребно было полное собрание коренных постановлений и договоров, которое бы объясняло постепенность возвышения России. Не имея сего путеводства, они принуждены были допытываться о происшествиях и союзах своего государства у иностранных писателей и сочинениями их руководствоваться»[58]. В первом томе были собраны грамоты с 1229 по 1613 гг. С их появлением в научный оборот вошли ценные исторические материалы, имеющие первостепенное значение для освещения ранее неизвестных страниц внешнеполитической истории нашего отечества.

XIX в. стал временем расцвета русской исторической науки и одновременно временем начала критического осмысления истории, определения нового отношения к историческому знанию: постепенно вырабатывалась научная классификация и критические приемы изучения источников, введение нового актового материала в изучение истории способствовало расширению источниковой базы исследований, а также научного кругозора специалистов.

Новое для того времени «критическое направление» в исторической науке наиболее ярко проявило себя в творчестве Н.А. Полевого и М.Т. Каченовского – родоначальника «скептической школы», а также в полемике вокруг «Истории государства российского» Н.М. Карамзина, печатавшейся с 1816 г.

Высокую научную ценность представляли примечания труда Н.М. Карамзина, основное содержание которых составили выдержки из рукописей, часть из которых была впервые опубликована. Они сохраняют свое значение и теперь, поскольку некоторые списки и памятники, на которые ученый ссылается, погибли во время московского пожара 1812 г. Заметный вклад внесен им в зарождение традиции изучения русских княжеств (Новгородского, Галицко-Волынского, Полоцкого, Черниговского и других). Ученый полагал, что удельная система противоборствовала с системой единовластия, пока не сокрушила последнюю после Мстислава Великого, просуществовав до XV столетия, когда восторжествовало самодержавие. Правда, Н.М. Карамзин не различал феодального строя и удельного периода. Речь в его работах идет «о феодальной собственности рода Рюриковичей». Он подчеркивал, что пока Русь была единой князья «повелевали народу: народ смиренно и безмолвно исполнял их волю. Но когда государство разделилось... и вместо одного явились многие государи в России, тогда народ, видя их слабость, захотел быть сильным, стеснял пределы княжеской власти или противился ее действию». Историк был убежден в том, что хотя «нашествие Батыево, кучи пепла и трупов, неволя, рабство столь долговременное составляют, конечно, одно из величайших бедствий, известных нам по летописям государств, однако ж и благотворные следствия оного несомнительны». Положительное влияние монголо-татар на общественную и социальную организацию русских земель, на формирование и развитие Московского царства ученый видел, прежде всего, в утверждении самодержавия: «Москва обязана своим величием ханам»[27, с. 465-466, 463-479].

Н.М. Карамзин (1766–1826), сохранив традиции просветительской историографии предшествующего столетия, оказался на передовом для своего времени исследовательском направлении. Обратившись в первом томе «Истории государства Российского» к важнейшей теоретической проблеме феодального строя в древней Руси, он затем практически положил эту теорию в основу характеристики удельного периода до XV в. Для него «система уделов» от Рюрика до Ивана III значила больше, чем просто уделы как форма княжеского владения. В основе карамзинской характеристики «системы уделов» лежали представления о них как об особой форме феодальной иерархии.

Труд Н.М. Карамзина был оценен современниками как высшее достижение отечественной историографии XVIII – начала XIX в. Вместе с тем, они критиковали мировоззренческие основы карамзинской концепции, его понимание задач и предмета исследований, отношение к источнику, трактовке отдельных, в том числе внешнеполитических, явлений русской истории.

В частности, Н.А. Полевой., полемизируя с Н.М. Карамзиным, опубликовал в 20-е гг. XIX в. «Историю русского народа», в основе которой лежало стремление автора перейти от изображения роли правителей, военных и внешнеполитических событий к выявлению «русского начала» или роли народа в истории [50; 51, с. 31, 33, 109, 131, 205, 214, 287, 358]. Вплоть до конца XV в. (свержения ордынского ига) историк отрицал существование единого государства и единовластия, считая, что в русских землях существовало несколько государств. При удельной системе или «феодализме семейном» характер власти удельных князей был вполне монархический, – полагал Н.А. Полевой. Наследование престола в уделах шло по прямой линии после отца, так что собратья становились вассалами, «считаясь удельными в уделе». Таким образом, «правление княжеств было смешением азиатского и византийского деспотизма и скандинавского феодализма», – отмечал исследователь. Исключительное положение в ряду русских земель Н.А. Полевой отводил Новгородской феодальной боярской республике. Период от перенесения Великого княжества из Киева во Владимир-Залесский до нашествия монголов (от 1157 до 1237 г.) ученый рассматривал, как междукняжеские отношения, отмечая дальнейшее усиление княжеской власти.

Еще более резкую позицию в оценке работы Н.М. Карамзина занял М.Т. Каченовский. Он считал его «Историю Государства российского» примером ненаучного подхода к историческим источникам и с 1818 г. вел систематическую критику этого труда[28; 53, с.191].

Университетская общественность Московского, Санкт-Петербургского, Дерптского (Юрьевского), Харьковского, Казанского, университета св. Владимира в Киеве и др. внимательно следила за появлением новых исторических сочинений и активно участвовала в их обсуждении. Университеты стали крупнейшими центрами изучения истории. Именно там концентрировалась наука. К 1830-м – 1840-м гг. XIX столетия в России уже сформировалась университетская профессура, выступавшая с академических позиций и диктовавшая условия дальнейшего развития основных научных направлений в области отечественной историографии и источниковедения. Этот процесс сопровождался распространением исторического образования в высших и средних учебных заведениях, созданием исторических обществ, специальных периодических изданий. Все это, в

свою очередь, создавало благоприятные условия для профессиональных занятий историей: совершенствовались методы источниковедческого анализа, возросли масштабы исторических исследований и возможности для распространения специальных исторических знаний, появились специальные журналы: «Русский Архив», «Русская старина», «Северный архив», «Вестник Европы», «Сын Отечества» и другие [26].

Государство в XIX в. развернуло активную деятельность по изданию летописей и других древних памятников истории страны, что во многом способствовало развитию исследовательской работы, как в столичных центрах, так и в регионах. Еще в 1828 г. по предложению Академии наук распоряжением императора Николая I была учреждена Археографическая экспедиция, которой был поручен сбор разнообразных источников по отечественной истории. В ходе ее работы под руководством П.М. Строева был выявлен обширный материал источников, которые надо было публиковать. Для издания собранных актов в 1834 г. в Петербурге была создана Археографическая комиссия. Она стала преемницей «Румянцевского кружка» и превратилась со временем в крупный научный центр по изданию памятников истории России [12]. Одной из важных задач комиссии явилось систематическое издание русских летописей в серии «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Правда, первое название этого издания было несколько иным: «Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему Повелению Археографическою Комиссиею». Работа, начатая тогда, получила свое продолжение и на более поздних этапах развития исторической науки в России: началось издание летописей с т. 3 (Новгородская летопись); в 1841–1863 гг. было напечатано 10 томов – тт. 1–9, Т. 15; в 1885–1914 гг. изданы тт. 10–14 и 16–23, некоторые переизданы; в 1920-е гг. XX столетия издан т. 24, но в 1929 г. издание летописей было прервано; с 1949 г. – возобновлено, опубликованы тт. 25–43. С 1997 г. осуществляется репринтное издание томов летописей, что во многом решает вопрос их доступности читателю и одновременно отражает межпоколенческую преемственность решения актуальных научных задач в отечественной историографии и источниковедении.

Другим важным вкладом Археографической комиссии в отечественную науку стало издание 1836 г.: «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук» (АЭ). В 1841 и 1842 гг. вышли пять томов этого труда (т.1. содержал акты до XVII в.). Затем стали выходить «Дополнения к актам историческим» в 12 томах, заключавших документы XII–XVII вв. Весь этот материал обширный и необычайно ценный в научном плане оживил нашу науку и стал основой для многих специальных работ, в том числе и по истории средневековой Руси. В частности, почти исключительно на нем основывались прекрасные труды С.М. Соловьева и других исследователей, прояснившие многие вопросы жизни древнерусского общества, а главное – открывшие возможность разработки историками более частных научно-исследовательских тем.

В 1850–1870-е гг. XIX в. Канцелярией его Величества было инициировано издание – «Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными в 10 томах», куда были включены документы о сношениях Руси с Римской империей, папским двором, «наказы» послам, «статейные списки» посольств и другие документы XV–XVII вв. [46].

Наряду с правительственной, развернулась и частная деятельность по изданию древних памятников: частные собрания П.А. Муханова, кн. М.А. Оболенского, Н.П. Лихачева заключали в себе очень ценные материалы по внешнеполитической и дипломатической истории средневековой Руси – монеты византийские, русские печати жалованные, перемирные, судные, охранные грамоты великих князей, dokonчания, списки подарков, посланных в ходе различных посольств (от Новгорода – Казимиру IV королю Польскому и вел. кн. Литовскому, вел. кн. Тверскому) и многое др.[41;56;43; 44].

В 1860–1870-е гг. XIX столетия в отечественной историографии значительно повысился интерес к региональной истории. Началом серии исследований по истории русских земель (т.н. уделов) считаются монографии П.В. Голубовского, Д.И. Багалея, посвященные Северной земле до половины XIV столетия[17; 8]. Однако еще раньше вышли труды Н.П. Дашкевича (1876 г.) о Болховской земле и И.А. Линниченко о вече в Киевской области. Далее последовали труды Н.В. Молчановского о Подольской земле, А.М. Андрияшева и П.А. Иванова о Волынской земле[40; 7; 22].

В изучении истории северорусских и юго-западных областей древнего и удельного периода наиболее ярко в дореволюционной историографии проявили себя М.П. Смирнов (профессор Новороссийского университета), И.И. Шараневич (профессор Львовского университета)[57; 68, 67].

По истории русско-немецких связей в средние века заметные работы оставили М.Н. Бережков, И.А. Тихомиров и И.Е. Андреевский – основатель историко-этнографического музея «Древнехранилище» в Ярославле [11; 63; 21, с. 24-31; 6]. Продолжилась работа и по изданию документов, как в столичных центрах, так и в провинции.

В 1882 г. Александром III было учреждено Православное Палестинское общество. Первым Председателем общества стал великий князь Сергей Александрович, а после его гибели в 1905 г. общество возглавила его

супруга великая княгиня Елизавета Федоровна. С момента основания Общество ставило своей задачей просвещение народа, в том числе путем издания старинных источников. В 1883 г., опираясь на большой научный потенциал членов этой организации – Н.С. Тихонравова, М.А. Веневитинова, Х.М. Лопарева, С.О. Долгова, С.Р. Розанова, архимандрита Леонида (Кавелина), В.Г. Васильевского и других корифеев отечественной науки, Общество приступило к изданию «Православного Палестинского сборника» (ППС) [18, с. 121-332].

В последующие десятилетия на страницах сборника была развернута интенсивная работа по публикации древнерусских источников, в т.ч. текстов путевых записок русских путешественников: купцов, паломников, дипломатов – так называемых «хожений» (от игумена Даниила – XII в. до Арсения Суханова – XVII в.), важных для изучения истории дипломатии удельной Руси [20; 66].

Положение «Об учреждении губернских исторических архивов и губернских ученых архивных комиссий» (1884) положило начало масштабной научно-собирательской и исследовательской работы в регионах – Рязани, Тамбове, Твери и Орле. Главной задачей комиссий стала организация местных архивов, составление и издание описей и архивных обзоров, родословных и биографий местных уроженцев, путеводителей [55]. Таким образом, учеными XVIII–XIX вв. был собран большой фактический материал, заложены основы для дальнейших научных изысканий в плане расширения направлений исторических исследований, включая внешнеполитическую проблематику. И результаты не заставили себя долго ждать.

Капитальный двухтомный труд российского историка выпускника Санкт-Петербургского университета Андрея Васильевича Экземплярского (1846–1900) - «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.» стал явлением дореволюционной науки и солидным вкладом автора в изучение междукняжеских отношений и политической истории удельного периода [70]. Первый том содержал «биографии великих князей владимирских и владими́ро-моско́вских, живших и действовавших в татарский период русской истории», а второй включал в себя тщательно верифицированные по княжествам «биографии удельных влиятельных князей владимирских и московских уделов и великих князей тверских, суздальско-нижегородских и рязанских». По сути, это была одна из первых попыток (наряду с трудами М.П. Погодина) [49] подойти к пониманию специфики или особенностей междукняжеских отношений удельного времени, к истории отдельных регионов с опорой на летописные материалы и другие источники.

В области формирования научного интереса к вопросам внешнеполитической и историко-дипломатической проблематики знаковым оказалось исследование С. Добросклонского «Краткая история российской дипломатии» [19, с. 1-29, 29-43]. В нем автор на основе дипломатических договоров XV – XIX вв. попытался проанализировать дипломатическую практику российских государей (от Ивана III до Александра I), обозначив роль каждого в международной политике. Формально труд С. Добросклонского выходит за интересующие нас временные рамки, но отдельные его разделы (по истории дипломатии, о пользе дипломатии и др.) могут быть, на наш взгляд, весьма полезны и исследователям русского средневековья.

Первостепенное значение для изучения дипломатической истории удельной Руси имели труды С.М. Соловьева (1820–1879). Он одним из первых в отечественной историографии предпринял попытку комплексного изучения роли природно-географических, демографических и внешнеполитических факторов в историческом развитии удельной Руси. По мнению С.М. Соловьева, «три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит, ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают» [59, с. 761].

Ученый писал о борьбе «леса» со «степью» (т.е. оседлых народов с кочевниками), «старых» и «новых» городов, передовых начал европейской цивилизации с отжившими формами общественной жизни. При этом он справедливо отмечал, что в этой борьбе с азиатскими кочевниками русский и другие славянские народы прикрывали Западную Европу. Формирование единого государства историк связывал с острой борьбой государственных отношений с родовыми. Развитие первых шло по линии расширения и укрепления централизации, перехода от «единодержавия» к «самодержавию». Препятствием на этом пути была удельная система, самовластие князей и боярской знати в своих владениях [60]. Представления С.М. Соловьева об общественных противоречиях позволили не только по-новому осветить многие стороны исторического развития России, изучение института княжеской власти во времена удельной Руси, но и на более высоком уровне продолжить исследование внешнеполитических и историко-дипломатических проблем.

В.О. Ключевский (1841–1911) – ученик и преемник С.М. Соловьева по кафедре русской истории в Московском университете долгие годы работал над «Курсом лекций по русской истории» [31]. В нем ученый говорил уже не о раздробленности, а об «удельном строе», называя XII–XV вв. «удельными веками». Терминология В.О. Ключевского подразумевала, прежде всего, государственную децентрализацию вследствие осуществления наследственного деления земель и власти внутри княжеского рода. Понятие «феодализм» В.О. Ключевским использовалось только по отношению к Западной Европе. Период раздробления, по его мнению,

был временем тяжелых испытаний для Руси, но при этом имел и свое важное историческое значение, которое выражалось «не в них самих, а в их последствиях, в том, что из них вышло». Таким образом, исследователь характеризовал удельный период русской истории как время переходное от Руси Киевской к Руси Московской. В.О. Ключевский полагал, что «удельный порядок был причиной упадка ... нравственно-гражданского чувства в князьях, как и в обществе, гасил мысль о единстве и цельности Русской земли, об общем народном благе. ... Политическое дробление неизбежно вело к измельчанию политического сознания. ... Под действием удельного порядка северная Русь политически дробилась все мельче, теряя и прежние слабые связи политического единства; вследствие этого дробления князья все более беднели, бедные замыкались в своих вотчинах, отчуждались друг от друга, отчуждаясь, превращались по своим понятиям и интересам в частных сельских хозяев, теряли значение блюстителей общего блага...»[32].

По словам историка, «и старый и новый порядок княжеского владения одинаково был чужд понятию государства, ибо дробил государственную власть, как частную собственность. Раздробившиеся княжеские вотчины начали объединяться вокруг одной из них – Москвы. Одновременно с этим происходило постепенное сосредоточение вотчинных прав в руках старшего сына за счет младших и дядей. С половины XV в. остатки родовых отношений окончательно пали в княжеском владении, а вотчинные права великого князя, все усиливаясь и сосредотачиваясь, стали изменяться в своем характере, превращаться в государственное полновластие. После усобицы в княжение Темного родовое преимущество дяди пред племянником уже не заявляло голоса за себя. Великое княжество Владимирское, остаток и средоточие общего родового владения, долго был предметом спора между несколькими вотчинниками, подчинилось новому порядку, сделалось “вотчиной” князей Московских и Василий Темный в своей духовной без разбора перемешал его города с городами своего московского удела. С той минуты власть великого князя, связанная прежде с обладанием великокняжеским столом, потеряла территориальное значение, перенесена с известного княжества на лицо, на старшего сына в московской княжеской семье. Уделы сохранились и после того: но объединение Руси достигло того момента, когда их дальнейшее существование или исчезновение зависело от воли великого князя...» [33].

В.О. Ключевский обратил внимание на тот факт, что в удельный период, несмотря на раздробление, интегрирующие тенденции сохранялись. Несмотря на кризис центральной власти, шел процесс экономической, политической, этнической консолидации населения северо-восточной Руси. Скрепляющие функции по отношению к русской общественной жизни выполняла Русская Православная Церковь. Парадоксальным образом элементы единства просматривались и в системе междукняжеских отношений, точнее внутри княжеского рода, хотя именно князья были виновниками междоусобных конфликтов и раздробления. По образному выражению историка, являясь членами одной фамилии, в своем стремлении утвердиться в более престижных уделах князья были «блуждающими кометами». Создание русского государства ученый связывал не с социально-экономическими явлениями, ростом производительных сил в стране и углублением общественного разделения труда, а, прежде всего, с политическими обстоятельствами. Он отмечал, что татарские ханы в основном разбирались в княжеских междоусобицах, отдавая предпочтение то одному, то другому княжескому клану. Если бы удельные князья были предоставлены вполне самим себе, то они разнесли бы Русь на бессвязные, вечно враждующие между собой удельные лоскуты. Не произошло это, по мнению В.О. Ключевского, исключительно потому, что власть хана давала хотя бы призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам удельных князей.

Клеванов А. С. (1826–1889) – выпускник Санкт-Петербургского университета в исследовании «История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века» (1849), представил научной общественности историю взаимоотношений Киевской и Галицкой Руси, составлявших юго-западные русские земли[30]. При издании этого сочинения его автор «имел в виду изложить сколько возможно яснее и проще в последовательном порядке события Юго-Западной Руси и тем самым содействовать основательному изучению древней отечественной истории». Подробно рассмотрев события, происходившие в Юго-Западной Руси в разные исторические периоды: до Уветичевского съезда и во времена различных князей (от правления Изяслава Мстиславича, Романа Мстиславича, Мстислава Мстиславича, Даниила Романовича Галицкого до прекращения рода Романа Мстиславича Галицкого), исследователь коснулся и многих аспектов дипломатической практики галицко-волинских князей. Представил он и географическое описание края, которое послужило основой для изучения особенностей геополитического положения земель юго-западной Руси в отечественной историографии более позднего времени. Известность получил также составленный им сборник «Летописный рассказ событий Киевской, Волынской и Галицкой Руси от ее начала до половины XIV века» (1871), в который были включены Лаврентьевская, Ипатьевская и Волынская летописи, вообравшие в себя материалы повестей, легенд, сказаний о различных исторических лицах и событиях. Этот труд содержал и исследования автора, посвященные значению русской летописи в духовном развитии русского народа, а также становлению и развитию феодализма на Руси.

Беляев И. Д. (1810–1873) – профессор Московского университета, чтобы объяснить причины образования Московского государства предпринял в 1861 г. обширный труд «Рассказы из русской истории»[9]. Ученый задался целью представить русскую историю в ее целостности. Поэтому не случайно обратился к изучению тех регионов и областей, которые позднее вошли в состав московских владений, но акцент сделал в основном на бытовой и правовой стороне исторического развития Руси в удельный период ее истории. «Чтобы понять естественное приращение к Москве одного княжества за другим, одной области за другою, чтобы уяснить слабость сопротивления их, а подчас и добровольное тяготение к центру – к Москве, желание слиться с нею, – писал историк, надо посмотреть на их судьбу, отношения к соседям русским и не русским, православным и иноверцам, посмотреть на прочность и крепость их внутреннего быта и отсюда уже перейти к окончательному акту – потере ими самостоятельности и слитию с Москвой». В первой книге И.Д. Беляев описал общую историю русских удельных княжеств до XIII века. Последующие книги были посвящены истории Новгорода Великого от древнейших времен до падения; истории Пскова и Псковской земли, истории Полоцка, т.е. северо-западной Руси с древнейших времен до Люблинской унии. В дальнейшем исследователь хотел посвятить по целой книге Смоленску, Чернигову, Киеву, Рязани и Москве. Однако его замысел так и остался незавершенным. Труд И.Д. Беляева по праву можно считать одной из первых попыток отечественных специалистов-историков (наряду с усилиями А.В. Экземплярского) написать региональную историю средневековой Руси.

Изданием исторических памятников И.Д. Беляев оказал не меньшие услуги отечественной науке, чем своими исследованиями. Он активно публиковался в «Чтениях общества истории и древностей Российских», в трудах Императорской Академии наук, в «Москвитянине», «Русской беседе», принял непосредственное участие в издании новгородских писцовых книг, Литовского статута в трех редакциях, материалов по истории московского судопроизводства и других источников. Ученый рассматривал историю русского государства, как соединение двух начал – удельно-вещного и единогодержавного и полагал, что их борьба закончилась победой единогодержавия в XVII столетии. В центре его внимания находились и судьбы русских князей: от князя Владимира Святого и великого князя Ярослава Владимировича до Александра Невского, князя Дмитрия Донского, московских князей братьев Даниловичей [10].

Важным вкладом в исследование взаимоотношений русских земель с Южной Русью, Ливонией, Литвой, латинским Западом и Римом, а одновременно – показателем зрелости отечественной науки XIX в. стали публикации актовых материалов в следующих изданиях: «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» – (1851–1871); – «Акты литовско-русского государства», которые представляли собой первую (выборочную) публикацию ранних книг Литовской метрики; грамоты великих князей литовских (1390–1569) – (1890); Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов А.И.Тургеневым (1841–1842); Грамоты, касающиеся отношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII–XIV вв. (1857) и др. [46; 47; 2; 3; 13; 1; 14].

В частности, А.И. Тургенев опубликовал важнейшие для исследователя истории удельной Руси документы: письма папы Римского Иннокентия IV (1247 и 1248 гг.) к князю Даниилу Галицкому и его брату Васильку Владимирскому, которых он называл «королями и почитал исповедующими веру латинскую»; ряд папских посланий к великому князю Георгию Всеволодичу о том, чтобы тот отверг греческие и русские обычаи и обряды, а принял бы латинские; папские послания к св. Александру Невскому; к митрополиту Исидору, о назначении его легатом Апостольского престола на Руси; к великому князю Василию Ивановичу, с предложением прислать послов на Триентский собор; наконец, письма римских пап к Гедмину, а также к королю Владиславу Ягайло и к Великому князю Витовту, которых Мартин V назначил своими викариями в Новгород и Псков, полагая, что эти области покорены и зависели от Литовских государей. Все эти документы помогали исследователям понять, какие усилия затрачивал римский престол, чтобы утвердить свою власть в Литве, а также в русских землях, и какой международный резонанс эти дипломатические шаги Рима в конфессиональной и политической сфере имели [1, с. 8-9, 30, 32-34, 57-59, 62, 64, 69, 74-75].

Обстоятельные труды Н.И. Березина, В.Г. Тизенгаузена, В. Радлова и В.В. Григорьева ввели в научный оборот уникальные документы – ханские ярлыки, в которых закреплялись владельческие иммунитетные права Русской Церкви (освобождение от уплаты различных пошлин, повинностей и проч.) [72; 62; 73; 15, с. 111-130]. И тем самым подняли изучение дипломатической истории удельной Руси на качественно новый уровень: открыли исследователям дополнительные возможности для изучения контактов русских земель и Золотой Орды – главного дипломатического контрагента средневековой Руси. Работа В.Г. Тизенгаузена, куда вошли – в оригинале и в переводе – фрагменты произведений авторов XIII–XV вв., до сих пор остается единственной в своем роде, хотя в значительной мере устаревшей, особенно в том, что касается комментариев к сведениям источников.

Постепенно сложилась и историографическая традиция изучения церковной истории. Она стремилась сочетать научный, т.е. критический анализ источников, с общим православным взглядом на историю Церкви, но трудов, исследующих церковную дипломатию удельного времени, за весь длительный период своего развития отечественная историография так и не создала. Исключение составляют, пожалуй, лишь несколько работ, касающиеся вопросов участия Церкви в международных церковных соборах, в борьбе за независимость и становление российской государственности.

Начало изучению истории Церкви было положено в 1805 г., когда вышла в свет «Краткая церковная российская история» митрополита Платона (Левшина). Материал здесь излагался в хронологическом порядке (изложение доведено до 1700 г.), без обобщения и систематизации. Этот первый опыт обобщающего исследования представлял собой пересказ летописных известий, а потому не был вполне удачным с научной точки зрения, хотя высоко оценивался специалистами за талантливость изложения и меткость замечаний[48].

Вышедшее в 1847–1848 гг. пятитомное издание «Истории Русской Церкви» митрополита Филарета (Гумилевского), при всем внимании к религиозным вопросам большее значение уделяло церковно-политической истории, системе управления Церковью и в этом смысле заметно выделялось в ряду вышеупомянутых исследований. Оно представляло собой систематическое изложение истории, пять томов которой соответствовали пяти периодам: 1) до нашествия монголов, 2) до разделения митрополии, 3) до учреждения патриаршества, 4) патриарший, 5) синодального управления до 1825 г.[64].

С 1845 г. начали публиковаться отдельные главы капитального труда иеромонаха Макария (Булгакова), будущего митрополита Московского и Коломенского – «История Русской Церкви». Работа над текстом книги продолжалась почти сорок лет до самой смерти автора в 1882 г. При его жизни свет увидели только 11 томов издания, а в 1883 г. вышел 12-й том. Митрополит Макарий провел большую работу по воссозданию в сознании современников истории Церкви. За основу периодизации историк принял каноническое положение Русской Церкви (зависимость от Константинопольского Патриарха), а внутри больших разделов использовал деление по времени предстоятельства Первоиерархов Русской Церкви. В каждом из периодов он рассмотрел различные стороны жизни Русской Церкви: историю иерархии, богослужения, монашества, состояние веры в обществе и др. Им были осмыслены и критически проанализированы практически все имеющиеся тогда в научном обороте источники, столь же критически осмыслена литература, благодаря чему этот труд до сих пор сохраняет свое историографическое значение и переиздается[38].

Своего рода продолжением и одновременно итогом развития традиции стало двухтомное (в четырех частях), но незаконченное, издание профессора Е.Е. Голубинского «История Русской Церкви»[16]. Автор довел повествование до времени святителя Макария Московского (XVI в.). Первым широко использовал византийские и западноевропейские сочинения, подверг критическому анализу отдельные источники, а многие общепризнанные факты объявил сомнительными, особенно относящиеся к начальной истории Русской Церкви. Критическая направленность труда Е.Е. Голубинского стала причиной запрета на его приобретение библиотеками Духовного ведомства, что приостановило работу над вторым томом: первая часть его вышла только в 1900 г., вторая – в 1911 г. Е.Е.Голубинский собрал богатейший фактический материал, проливающий свет в том числе и на отдельные аспекты церковно-дипломатической истории русского средневековья. Некоторые изыскания и выводы ученого, особенно в отношении атрибуции памятников, не устарели до сих пор.

Взаимоотношения русского православия с греческим духовенством рассматривал в своей работе «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» В. С. Иконников[24]. Ученый внес свой посильный вклад в изучение причин церковной зависимости Руси от Византии в средние века, а также в исследование политических обстоятельств, на фоне которых проходила упорная борьба за окончательное отделение Русской Церкви от Константинопольского Патриархата. В частности, им были подробно проанализированы финансовые мотивы в сохранении влияния Византии на Русь в период упадка империи. Не остались без внимания и причины возвышения северо-восточной Руси, участие в этом длительном и многотрудном процессе монастырей, а также вопросы покровительства монастырям со стороны великих московских князей.

В конце XIX в. началось изучение житий. Первое исследование такого рода было осуществлено В.О. Ключевским[34]. Проведя большую и кропотливую работу по изучению 150 житий в 250 редакциях, В.О. Ключевский очень критично оценил историческую достоверность многих сведений, сообщаемых житиями. Видимо здесь сыграл роль тот факт, что автор искал в житиях материалы для исторического исследования и не рассматривал их как памятники религиозно-философской и общественно-политической мысли, проливающих свет, в том числе и на историю средневековой русской церковной и светской (княжеской) дипломатии.

В трудах А.Н. Попова «Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян XI–XV вв.» и А.С. Павлова «Критические опыты по истории греко-русской полемики против

латинян»[52; 45], была воссоздана история конфессиональных противоречий православного и латинского миров в эпоху средневековья.

Таким образом, очевидно, что интерес к вопросам государственного строительства и политической истории удельной Руси в дореволюционной русской историографии проявился уже на ранних этапах становления отечественной науки, т.е. в XVIII–XIX столетиях. Именно тогда отечественная наука обогатилась ценными изысканиями по отдельным аспектам темы в исследованиях и исторических экскурсах В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина и др. В результате многотрудной и кропотливой работы основы научного исследования темы оказались заложены, установлены основные факты политической истории, собран обширный материал источников. Инициатива исследований исходила от университетских научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и Киева. Наряду с этим историкам XVIII–XIX вв. пришлось столкнуться и с определенными трудностями, которые сказались на разработке историко-дипломатической проблематики: многие документы в силу объективных исторических обстоятельств оказались вне поля зрения исследователей, а отсутствие связей между научными центрами негативно сказалось на самом исследовательском процессе. Обобщающий характер большинства исследований того времени обусловил отрывочность свидетельств о дипломатической истории средневековой Руси. Она излагалась попутно, сугубо информативно (в основном до середины XIII–XIV в.), и оценивалась изолированно, без должного учета всего фактического ряда источников и, как правило, без обращения к сравнительно-историческому методу исследования при анализе той или иной внешнеполитической ситуации. В центре внимания историков находилась, прежде всего, северо-восточная Русь, заметное место уделялось также истории Новгорода. Однако политическая и историко-дипломатическая составляющая более чем десятка других удельных земель и княжеств удельной Руси, во всем многообразии деталей и фактов, так и не стала предметом серьезного научного изучения.

После появления трудов С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и их последователей, а также в результате публикации значительной части актового материала и изучения летописей, историкам стал очевиден тот факт, что феодальная раздробленность на Руси изменила характер ее внешней политики. С наступлением удельного периода в русской истории складывается полицентрический статус власти великих князей над номинальной столицей Киевом и Русью. История внешней политики усложняется. Относительно единой некогда внешней политике приходит конец. Развиваются международные связи отдельных самостоятельных земель Руси с иностранными державами (Золотой Ордой, Литвой, Орденом и проч.). Картина международных отношений запутывается, с трудом поддается анализу. Эта взаимосвязь процессов в стране в целом в дореволюционной русской историографии, к сожалению, почти не изучалась. В лучшем случае речь шла о международных событиях, связанных с политической историей отдельных земель и княжеств, многие из которых до сих пор не изучены монографически. Вместе с тем дореволюционная русская историография XVIII–XIX вв. оставила нам богатейшее научное наследие относительно многих сюжетов политической истории древней и удельной Руси. В ожесточенных спорах о судьбах отечественной истории (особенно, между норманистами и антинорманистами), решались важные научные задачи, определившие направления будущих научных исследований. Так были заложены глубокие научные и методологические основы, способствующие сохранению преемственности поколений для продолжения изучения историко-дипломатической проблематики. Однако события революции и гражданской войны начала нового XX столетия существенно исказили и замедлили эти позитивные процессы. Ныне, в современной России, интерес к вопросам дипломатической истории постепенно возрождается.

Список литературы

1. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов А.И. Тургеневым. СПб., 1841-1842. Т.1. С. 8-9, 30, 32-34, 57-59, 62, 64, 74-75.
2. Акты Литовско-русского государства. М., 1870. Вып. 1.
3. Акты Литовской метрики (1413-1498). Варшава, 1896. Вып.1.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России (1340-1506) /Под ред. И. Григоровича. СПб., 1846. Т.1.
5. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (1361-1598) /Под ред. Н.И. Костомарова. СПб., 1863. Т.1.
6. Андреевский И.Е. О правах иностранцев в России до вступления Иоанна Васильевича III на престол Великого княжества Московского. СПб., 1854; Он же. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864.
7. Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев., 1887.
8. Багалеи Д.И. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев., 1882.
9. Беляев И.Д. Рассказы из русской истории //Соч. И. Беляева. М., 1861. Кн.1; Кн.2. 1864; Кн.3. 1867; Кн.4. 1872. Подробнее о трудах Беляева И.Д. см.: Российская государственная библиотека (далее – РГБ), Ф. 178.

10. Беляев И.Д. Великий князь Александр Ярославич Невский. М., 1849; Он же. Об общественном значении христианской церкви и её учреждений на Руси от Владимира святого до монгольского владычества. М., 1856.
11. Бережков М.Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879.
12. Брачев В.С. Петербургская Археографическая комиссия (1834-1929). СПб., 1997.
13. Грамоты великих князей литовских (1390-1569) /Под ред. В.Антоновича, К.Козловского. Киев., 1868.
14. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригию и Ганзейскими городами в XII; XIII; и XIV вв. Найдены в Рижском архиве К.Э. Напиерским и изд. Археогр. комисс. СПб., 1857.
15. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству: историко-филологическое исследование. М., 1842. С.111-130.
16. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1889-1911. Т.1-2.
17. Голубовский П.В. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881.
18. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1888-1907). СПб., 1907. Вып.1. С.121-332.
19. Добросклонский С. Краткая история российской дипломатии. М., 1830. С.1-29; 29-43.
20. Житие и хоженье Даниила, Русские земли игумена 1106-1108 /Под ред. М.В.Веневитинова. Ч.1. //Православный Палестинский сборник (далее – ППС). СПб., 1883. Т.1. Вып.3.; Житие и хоженье Даниила, Русские земли игумена 1106-1108 /Под ред. М.А.Веневитинова. Ч.2. //ППС. СПб., 1885. Т.3. Вып.9.
21. Землянская Н.С. И.А.Тихомиров - хранитель музея при Ярославской губернской ученой архивной комиссии //Краеведческие записки. Ярославль, 1991. Вып.7. С.24-31.
22. Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV столетия. Одесса, 1895.
23. Историография истории России до 1917 г. Уч. пособие: в 2-х т. /Под ред. М.Ю.Лачаевой. М., 2003. Т.1. С.162-164, 187.
24. Иконников В.С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев., 1869.
25. Исторические общества в России. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
26. История русской журналистики XVIII-XIX вв. /Под ред. А.В. Западова. М., 1973.
27. Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1991. Т.2-3. С.465-466, 463-479.
28. Каченовский М.Т. Письмо от Киевского жителя к его другу //Вестник Европы. 1819. № 1-6; Он же. Разыскания, касательно русской истории //Вестник Европы. 1819. № 20; и др.
29. Киреева Р.А. История русской историографии (1850-е-1917 гг.): Автореф. дисс... д.и.н. М., 1985. С.3.
30. Клеванов А.С. История Юго-Западной Руси от её начала до половины XIV века. СПб., 1849.
31. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904-1922. Ч.1-5.
32. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекции 90-х – 900-х гг. Удельные князья. Следствия удельного порядка. Отрывки. Варианты, исп. в лекциях XVIII-XX. Ч.1. Автограф карандашом. Литографический текст с авторской правкой. Машинопись – Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН) – Ф.4. Оп.1. Д.43, лл.19-20.
33. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекции 70-х гг. Образование Московского государства. Московские и другие удельные князья. Варианты, наброски. Лекции XXII, XXVI, Ч.2. – НА ИРИ РАН – Ф.4. Оп.1. Д.3. лл.39-40.
34. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. Репринт: М., 1988.
35. Козлов В.П. Колумбы Российских древностей. М., 1985.
36. Комарова И.И. Справочник научных обществ России. URL: <http://www.snog.ru/?an->
37. Ломоносов М.В. Древняя российская история. СПб., 1766.
38. Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви. М., 1994-1996. Кн.1-7.
39. Малето Е.И. Дипломатия удельной Руси: историографические заметки современного исследователя //Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2009. Вып. IX. С.6-13.
40. Молчановский Н.В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885.
41. Муханов П.А. Сборник. М., 1856.
42. Новиков Н.И. Древняя Российская Вивлиофика. М., 1773-1775; М., 1778-1881 (издание 2-ое).
43. Оболенский М.А. Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России. 1847-1848. Вып. 1-4.
44. О собрании Лихачева Н.П. (1862-1936) подробнее см: <http://funeral-spb.ru/necropols/smolenskoeplikhachev>
45. Павлов А.С. Критические опыты по истории древней греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.
46. Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. СПб., 1851-1871. Т.1-10.

47. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногайской ордой и Турцией // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1884. Т.41. № 2, 10.
48. Платон (Левшин) Краткая церковная российская история. М., 1805.
49. Погодин М.П. Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839; Он же. Исследование, замечания и лекции по русской истории. М., 1846-1859. Т.1-7; Он же. Историко-критические отрывки. М., 1846, 1867. Кн.1-2.
50. Полевой Н.А. История русского народа. М., 1829-1833. Кн. 1-6.
51. Полевой Н.А. История русского народа в 3-х т. М., 1997. Т.1. С.31, 33, 109, 131, 205, 214, 287, 358.
52. Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян XI – XV вв. М., 1875.
53. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 191.
54. Российская академия наук. Персональный состав –В 3-х кн. / Левшин Б.В., Васильев В.И., Батурина О.В. и др. М., 1999. Кн.1. 1724-1917.
55. Самешенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1984.
56. Сборник кн. Оболенского М.А. М., 1838-1840. Вып. 1-11.
57. Смирнов М.П. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения её с Польшею. СПб., 1860. С.112-119.
58. Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел – (далее – СГГиД). Т.1. СПб., 1813. С. II.
59. Соловьев С.М. Собр. соч. Издательство «Польза». СПб., б.г. С.761.
60. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. III. С.712; Он же. Сочинения. История России с древнейших времен. В 18 кн.: Кн. 1-2; 3-4. М., 1988; Он же. Обзор дипломатических сношений Московского двора с Литовским во 2-ой половине XV в. М., б.г.
61. Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. СПб., 1768. Кн.1. Ч.1.
62. Тизенгаузен Г.В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1., извлечение из сочинений арабских. СПб., 1884; Он же. Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике. СПб., 1876.
63. Тихомиров И.А. К вопросу об устройстве древлеведения в России. Владимир. 1906.
64. Филарет (Гумилевский) История Русской церкви. Москва; Рига, 1847-1848. Т.1-5.
65. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
66. Хождение гостя Василия 1465-1466 гг./Под ред. архим. Леонида //ППС. СПб., 1884. Т.2.Вып.6; Хождение Игнатия Смольнянина, 1389-1405 гг. /Под ред. С.В.Арсеньева // ППС. СПб., 1887. Т.4. Вып.12; Хождение инок Зосимы, 1419-1422 гг. / Под ред. Х.М.Лопарева //ППС. СПб., 1889. Т.8. Вып.24; Хождение священноиннок Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461-1462 гг. /Под ред. архим. Леонида //ППС. СПб., 1884. Вып.6. Т.2. и др. издания.
67. Цамутали А.Н. История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX- начала XX вв. //Новгородский исторический сборник – далее НИС 1(11) Л., 1982.
68. Шараневич И.И. История Галицко-Володимерской Руси от найдажнейших времен до року 1453. Львов. 1863. С.68-84.
69. Щербатов М.М. История российская с древнейших времен. СПб., 1770-1791. Т.1-7.
70. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505г. Т.1. СПб., 1889. Т.2. СПб., 1891.
71. Эмин Ф. История Российская. СПб., 1767.
72. Ярлыки ханские. И.И. Березин. Казань., 1851.
73. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуя. В.Радлов //Записки Восточного отдела русского археологического общества. СПб., 1889. Т.3.

КОМИТЕТЫ БЕДНОТЫ, КАК ОСНОВА ПОЛИТИКИ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

Туфанов Е.В.

Ставропольский Государственный Аграрный Университет, г.Ставрополь

С 1918 г. по весну 1921г. в России проводилась политика, именуемая «военным коммунизмом». В проведении такой политика Россия была не первой. Состояние экономики в странах, участницах Первой мировой войны толкало правительство этих стран к вынужденному регулированию хозяйственных отношений. Но экономика России пострадала в наибольшей степени. Причина этому проста: для осуществления своих целей советское правительство могло идти на самые крайние меры, не исключая чрезвычайных. «Военный коммунизм» складывался и функционировал в эпоху Гражданской войны, сумел заявить о себе, как о самобытной, жесткой экономической системой, со своими идеалами и интересами. «Военный коммунизм» с его административно – приказными методами включался в формируемую политическую систему, дополнял ее, взаимодействовал с ней. В период Гражданской войны и экономической разрухи перед государственной властью продовольственная проблема стояла особенно остро. Правящая партия решало данную проблему в свойственной ей манере - быстро и жестко. В мае 1918 г. было принято решение организовать продовольственные отряды, которые должны выдвинуться на места и обеспечить зерном государство за счет сельской буржуазии и хлебных торговцев. Военный коммунизм включал в себя ряд мер: продовольственная диктатура, национализация крупной, средней, отчасти мелкой промышленности, переход к прямому обмену товара в следствие отмирания денег в обращении, трудовая повинность и милитаризация народного хозяйства, подчинение всей политики страны согласованному плану. Строительство «военного коммунизма» в селах шло в крайне тяжелых условиях. В городах дело обстояло проще. В городах социалистическая революция строилась на хорошо организованной мощи рабочего класса. Этот рабочий класс, в свою очередь, вел за собой и другие группы трудящихся. На селе же, территории с преобладающим мелкотоварным производством, эксплуататорские классы старались мобилизовать контрреволюционную деятельность. Кулачество в то время было еще довольно многочисленным, сохраняло свою экономическую мощь, имело достаточное влияние на тружеников-крестьян и оказывало сильнейшее сопротивление Советской власти. Крестьянская беднота, хоть и была довольно многочисленна, не могла организовать достойное сопротивление. В таких условиях необходимо было действовать быстро и решительно. Прежде всего, необходимо было ускорить политическую дифференциацию села, сформировать в селах опорные пункты диктатуры пролетариата, одновременно являющиеся органами Советской власти, органами сопротивления кулачеству. Опыт показывал, что такими организациями могут быть только комитеты беднейшего крестьянства – комбеды. 11 июня 1918 года ВЦИК был утвержден декрет Совета народных комиссаров «Об организации и снабжении деревенской бедноты». Согласно данному декрету местные советы организовывали волостные и сельские комитеты бедноты. Избирать людей и самому быть избранным в комитет бедноты могли только жители деревни, кроме «заведомых кулаков и богатеев». Комитеты бедноты состояли из 3 – 5 человек, по своему социальному происхождению они были больше городскими, чем сельскими, так как их формированием занимались отряды продармии. Кроме того, избранными в комбеды могли быть только крестьяне, не имевшие земли, либо имевшие ее количеством не более пяти десятин. Таким образом, в деятельности комитетов бедноты могли участвовать и середняки. Роль комитетов бедноты заключалась в следующем: распределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий. Также комитеты бедноты были обязаны оказывать содействие продовольственным органам в конфискации излишков хлеба у кулаков. Крестьяне целыми днями толпились с жалобами на кулаков. Но кулаки были равнодушны к таким призывам. И тогда продовольственным отрядам приходилось действовать силой. Кулаки обманным путем старались упрятать свои хлебные и продовольственные запасы, где только это было возможно. Например, в бывшем Сезеновском монастыре кулаками было скрыто 50 мешков ржи и пшеницы. Конечно, не без согласия настоятеля этого монастыря. Самой опасной работой считалась работа на заготовках сельскохозяйственных продуктов. Каждую минуту заготовителям угрожала пуля из обрезка кулака. Данные комитеты формировались при отчаянном сопротивлении кулаков и партий мелкой буржуазии, прежде всего левых эсеров. Они отстаивали интересы кулачества и всеми силами противились процессу размежевания села. По всей стране создание комитетов бедноты часто проходило под знаком вооруженных столкновений с кулаками. Естественно, что деятельность комитетов бедноты проходила под пристальным руководством и при энергичном участии партийных органов, рабочих городов, которые находились в составе продовольственных и уборочно-реквизиционных отрядов. Деятельность комитетов широко развернулась по всей стране. К ноябрю 1918 г. в 33 губерниях Европы и Белоруссии действовало 122 тысячи комитетов бедноты. Создание комитетов бедноты играло важную роль в

привлечении середняка на сторону Советской власти. Их функционирование закрепляло власть советов в селах, способствовала борьбе трудящегося крестьянства с кулачеством. Решение вопроса о земле в интересах крестьянина имело важное значение при строительстве общества социализма. Этот вопрос приобщал миллионы крестьян к активной политической жизни, заинтересовывал их в росте Советского государства. Во многих местах комитеты бедноты устраивали перевыборы Советов, которые находились под влиянием кулаков. А там, где советы крестьян методично проводили политику диктатуры пролетариата, комитеты бедноты действовали с ними в контакте. Организация комитетов бедноты была предпринята и на Украине в период восстановления власти Советов в конце 1918 г. Как результат, деятельность комитетов бедноты вышла за рамки функций, которые были определены им декретом 11 июня 1918 г. Они стали: выполнять и следующие задачи: помощь в организации общественной обработке земли и объединению бедноты деревень в комунны, охрана революционного порядка, содействие мобилизации в Красную Армию и сопротивление дезертирству, борьба с национальной враждой, борьба со спекуляцией, проведение культурно-просветительских мероприятий, всеобщее обучение малолетних, организация бесед на политические темы, распространение литературы. Кроме того, комитеты бедноты отбирали у кулаков излишки земли сверх уравнительной нормы. Из 80 млн десятин, принадлежащих кулакам, у них было урезано 50 млн десятин. Кроме того, они перераспределяли помещичьи земли и инвентарь, в случае если он попал к кулакам. К концу 1918 г. комитеты бедноты выполнили свои задачи. 9 ноября 6-й чрезвычайный всероссийский съезд Советов решил о проведении перевыборов волостных и сельских советов. Проведение перевыборов поручалось комитетам бедноты. Сразу после этого они распускались. Перевыборы Советов и роспуск комитетов бедноты были проведены в конце декабря 1918-1919 г.г. Комбеды просуществовали в России всего полгода, но за это время внесли значительные коррективы в расстановку классовых сил в деревне. Деятельность комитетов бедноты. Безусловно имевшая огромное количество недостатков, несмотря ни на что, проникла во все стороны жизни деревни и самым коренным образом эту жизнь изменила. Кроме того, причиной ликвидации комитетов бедноты послужили и повсеместные злоупотребления полномочиями. Также Советской властью учитывались и другие негативные последствия существования комбедов: озлобление крестьянства, увеличение количества вооруженных крестьянских выступлений. Существование комитетов бедноты стало представлять значительную опасность для большевиков. Это и предопределило дальнейшую судьбу комитетов бедноты.

Список литературы

1. Туфанов Е.В. Кравченко И.Н. Социально – экономический кризис в начале 1920-х г.г. переход от военного коммунизма к новой экономической политики. // НаукаПарк. 2014. №8(28). С.9-12 .
2. Туфанов Е.В. К вопросу о единстве правящей партии – X съезд РКП (б). // Основные проблемы общественных наук: сб. науч. тр. меж. научн. практ. конф. Волгоград 2014. С. 9-10.
3. Туфанов Е.В. Основной закон государства, конституция 1918 г. // Место и роль России в мировой истории.: сб. науч. статей / СтГАУ. Ставрополь, 2012. С. 116-120.
4. Туфанов Е.В. Кравченко И.Н. Советская политическая система в период 1917 – 1920 гг. // НаукаПарк. 2014. №3(23). С.29-32.
5. Фенева И. Туфанов Е.В. Казачество в период гражданской войны 1917 – 1920 гг. на юге России // Социально-политические, экономические и демографические проблемы Северо-Кавказского федерального округа сб. науч. статей / СтГАУ. Ставрополь, 2013. С. 15-17
6. Матвеева Т. Туфанов Е.В. Гражданская война в России 1917-1920 гг. // Актуальные философские и методологические проблемы современного научного познания.: сб. науч. статей / СтГАУ. Ставрополь, 2013 С. 145-147.
7. Туфанов Е. В. Формирование государственного аппарата Советской России 1917-1918гг. // НаукаПарк. 2013. №5(15). С. 16-20.
8. Туфанов Е.В. Кравченко И.Н. Номенклатура – правящий класс Советской России // НаукаПарк. 2014. № 10 (30). С. 101-102.
9. Туфанов Е.В. К вопросу о формировании региональной элиты 1917 – 1920 гг. (на материалах рязанской губернии) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. №6 (2). С.101-105.

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Кравченко И.Н.

Ставропольский государственный аграрный университет, г.Ставрополь

Перспективы совершенствования федеративных отношений в Российской Федерации являются актуальной проблемой. В начале XXI века, как и конце XX исследователи продолжают искать ответы на исторический вызов времени, осваивают политико-правовое поле совершенствования федеративных отношений в Российской Федерации. В нашем многонациональном федеративном Отечестве продолжают «конкурировать» демократические тенденции федерализации и консервативно-охранительные тенденции унитаризации. Все это свидетельствует о незавершенности и сложности длительного процесса становления федеративной Российской государственности. Федерализм для России продолжает оставаться в определенной мере ориентиром общественно-политического и экономического развития, хотя в этом направлении, сделаны очень важные шаги. Большинство исследователей придерживается мнения, что в начале XXI века для Российской Федерации федерализм выступает естественным средством обеспечения этнополитической и социальной стабильности общества, важнейшим компонентом саморазвития государства. Задача укрепления российского федерализма ставится и на высшем государственном уровне. Президент Российской Федерации В.В.Путин в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации подчеркивает, что «по-настоящему сильное государство – это еще и прочная федерация». Очевидно, что совершенствование этих отношений будет способствовать решению многих других проблем в российском обществе.

Проблема формирования качественно новых федеративных отношений в современной Российской Федерации поставлена на повестку дня самой историей нашего государства. Современный этап становления федерализма во многом выявил основные тенденции этого сложного и противоречивого процесса. Опыт федерализации, происходящей с 1991 года в Российской Федерации, в частности, процессы, происходящие в республиках Северного Кавказа, Республике Северная Осетия - Алания, нуждаются в серьезном научном изучении, анализе и интерпретации. Республики Северного Кавказа, как и другие российские республики, стали с 1991 года активными участниками общероссийского социально-политического процесса, особенно в той его части, которая связана с отработкой принципов и механизмов функционирования демократической Федерации. Социально-политическая концепция современного российского федерализма в целом доказала свою жизнеспособность, но при этом нуждается в совершенствовании. Абсолютное большинство ученых едино в том, что воплощение принципов федерализма представляет собой надежный способ сохранения и упрочения Российской Федерации. Опыт формирования качественно новых федеративных отношений в Российской Федерации убеждает в том, что всесторонняя интеграция – это объективно необходимый для любой Федерации процесс. Следует совершенствовать федеративное устройство России законодательными мерами, с учетом необходимых и законных потребностей всех субъектов Федерации. Для этого необходимо исследование правовых основ российского федерализма, а также существующих в современном мире практик распределения полномочий, бюджетных средств и других ресурсов между федеральным центром и субъектами федерации.

Федерализм, как демократический принцип государственного обустройства социума и средство обеспечения стабильности и согласия в отношениях между федеральным Центром и регионами, сегодня стоит в повестке дня укрепления российской государственности. Не вызывает сомнений необходимость формирования такого типа федерализма, который предполагает организацию отношений между федеральным Центром и регионами на основе партнерства, разграничения предметов ведения и полномочий. Федеральный Центр и регионы должны обладать теми правами и обязанностями, которые адекватны их историческому и политическому предназначению, а также задачам укрепления мощи и территориальной целостности Российской Федерации. Особо следует отметить, что указанная цель не может достигаться любыми средствами (через губернизацию республик или республиканизацию краев и областей). Федерализм представляет собой концепцию территориального распределения политической власти, на основе которой институализируется федеративное государство. Важнейшим признаком федеративного государства является определенная степень автономии и независимости его субъектов, не выходящая за рамки, определенные конституционным устройством. В России исторически складываются предпосылки для формирования федерации: полиэтнический характер государства; существование в прошлом многообразных форм взаимодействия центра и регионов, имевших преимущественно интеграционный характер; протяженность территории и разнообразие территориальных условий, жизненных укладов. При строительстве федеративного государства, исходя из

политических целей и исторической обусловленности, необходимо сочетание территориального и национально-территориального подходов. Федерализм является одной из фундаментальных основ формирования современной российской государственности. В современной российской модели федерализма взаимодействуют друг с другом централизованное и децентрализованное, дуалистическое и кооперативное начала, что позволяет представить ее как развивающуюся. Одной из важнейших в развитии федеративных отношений является проблема государственного суверенитета, его распределения между субъектами и федерацией, как целостным образованием. Субъекты РФ должны обладать определенным уровнем суверенитета для осуществления конституционно закрепленных за ними полномочий. Разграничение компетенций федерации и субъектов проведено в Конституции РФ не в полном объеме – закреплены функции федерального Центра, но не прописаны предметы собственного ведения субъектов. Несмотря на неоднозначность результатов практики заключения договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральным Центром и субъектами, а также двусторонних договоров между субъектами, она заслуживает внимания как способ правового регулирования данных отношений. Федеративные отношения находят свое воплощение не только в политической, но и в экономической практике. Бюджетный федерализм в постсоветской России зачастую складывался под влиянием субъективных, конъюнктурных факторов, но, несмотря на это, стал важным механизмом социально-экономического развития дотационных и депрессивных регионов, что, в частности, нашло свое проявление в ряде северокавказских субъектов РФ. Развитие принципов и норм федерализма стало важным средством регулирования межэтнических отношений на Северном Кавказе. Соблюдение этих принципов является одной из основ государственной безопасности, предотвращения этнополитических конфликтов в условиях роста национального самосознания. Совершенствование федеративных отношений – необходимая предпосылка разрешения ряда исторически сложившихся противоречий северокавказского региона, проблем реабилитации народов, пострадавших от репрессий в период сталинизма. Сохранение национально-территориального принципа в федеративном устройстве региона необходимо сочетать с созданием гарантий соблюдения прав и свобод человека вне зависимости от его национальной принадлежности и места проживания.

Федерализм рассматривается в первую очередь не как совокупность структур и норм, а как процесс, призванный заглушать конфликты центра и мест, устанавливать их взаимодействие, обеспечить наиболее целесообразные в данных условиях методы управления. Федерализм – это, прежде всего, принцип политико-территориальной организации государства. В основном он выступает как принцип государственности, под которым подразумевается целый комплекс различных постулатов. Федерализм представляет собой фундаментальную идею построения многонационального государства в соответствии с определенными принципами. Само понятие федерализма носит собирательный характер и охватывает не только характеристику федерации, но и теоретическую основу построения федерации. Это способствует превращению федерализма в основу государственного строя, внутренняя структура концепции которой охватывает политическое сознание (философия федерализма), макрополитическую структуру федерализма (на уровне федерации), микроструктуру (на уровне субъектов федерации) и сами федеративные отношения. Таким образом, можно заключить, что в России фактически национальный фактор и принцип федерализма тесно связаны и равномерно взаимодействуют друг с другом.

Список литературы

1. Асеев Ю.И., Кравченко И.Н. Мировой кризис и бизнес-сообщество России: монография. Ставрополь: АГРУС. 2013. 80 с.
2. Асеев Ю.И., Кравченко И.Н. Россия накануне очередного мирового кризиса: учебное пособие. Ставрополь: АГРУС. 2013. 188 с.
3. Кравченко И.Н. Исторический опыт Федеративной политики советского государства. // Основные проблемы общественных наук: сб. науч. тр. меж.научн. конф. Волгоград. 2014. С. 6-9.
4. Кравченко И.Н. Социально-экономическая и национальная политика на Северном Кавказе // Вестник Института дружбы народов Кавказа «Теория экономики и управления народным хозяйством». 2013. № 2 (26). С. 19.
5. Кравченко И.Н. Тенденции развития национальной политики в северокавказском регионе // Актуальные философские и методологические проблемы современного научного познания: сб. тр. науч. конф. Ставрополь. 2013. С. 124-131.
6. Кравченко И.Н. О необходимости совершенствования политики Российской Федерации на Северном Кавказе в начале XXI века // НаукаПарк. 2013. № 6-3 (19). С. 19-27.
7. Кравченко И.Н. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Актуальные философские и

СЕКЦИЯ №2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)

О КУЛЬТАХ I ИТАЛИЙСКОГО ЛЕГИОНА НА БАЛКАНАХ

Соловьянов Н.И.

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Легион I Италийский был набран Нероном осенью 67 года из уроженцев Италии. Нерон называл его фалангой Александра Великого. На своем знамени легион носил изображение кабана.

Однако события помешали осуществлению запланированного похода, и легион был оставлен Гальбой после смерти Нерона в Лунгудуне. Там он находился до конца Гражданской войны (69-70 гг.), в период которой выступал на стороне Вителлия. После капитуляции под Кремоной легион был отправлен Веспасианом в Мезию. Здесь под командованием Фантея Агриппы он потерпел поражение от вторгшихся из-за Дуная сарматов и роксоланов. Преемник Агриппы Рубирий Галл, изгнав сарматов и роксоланов, направил I Италийский в Новы, бывший лагерь VIII Августова, покинутый в ходе гражданской войны. С тех пор легион не покидал территории Мезии. Его более чем двухсотлетнее пребывание здесь засвидетельствовано большим числом памятников, обнаруженных не только в Новах, но и в других местах провинции.

Посвящение Удаче и Счастливому исходу I Италийского изваяно Аврелием Геминиом, родившимся в Бононии (Италия) примипилом легиона.

Справа от надписи на постаменте статуи императора Септимия Севера, изваянной от имени I Италийского, изображен знаменитый Знак (signa) этого легтона – кабан.

Эпиграфический материал Нижней Мезии и Фракии позволяет нам заключить, что среди населения этих провинций, как и других регионов империи, почести царствующим особам воздавались в полной мере.

Прежде всего следует отметить, что образ императора сопровождал войска также, как и его знамена со священными знаками и символами. В легионах существовала специальная должность *imagiferi* (носящий изображение императора), наряду с *signiferi* и *aquiliferi*. Среди воинов I Италийского, поставивших надгробие эвокату легиона Геминию Северу, названы и два *imagiferi*: Аврелий Дионисий и Меттий Аквила.

Обнаружено большое число посвящений высшим богам Рима за здоровье и благополучие императоров:

от Корнелия Фирма, центуриона I Италийского, и от ветеранов, граждан римских и бессов села Квинтион.

Юпитеру Долихенскому за здоровье и спасение божественного императора Каракаллы в Новах, от квестуария легиона I Италийского Антонинианского.

Юпитеру Долихенскому за здоровье и спасение божественного императора в Дионисополе от Марка Помпея Люция, бенефициария консуляра легиона I Италийского Антонинианского.

Юпитеру Наилучшему Высочайшему Долихенскому воздвигнуто посвящение по обету опцием I Италийского легиона Нумизием Руфином из Нов.

Капитолийской троице за здоровье, победы и согласие Марка Аврелия и Люция Вера центурионом I Италийского легиона Корнелием Фирмом;

Посвящение Юпитеру и Юноне Регине (царице, властительнице) от

Юлия Юлиана, воина I Италийского легиона.

Юпитеру Наилучшему Высочайшему, Юноне Регине и Геркулесу воздвиг надпись опций I Италийского легиона некий Гней (номен и когномен не сохранились)

Юноне Регине поставил votivную надпись солдат I Италийского легиона Аврелий Валент. Памятник датируется временем правления Северов. Имя дедиканта свидетельствует о недавнем получении римского гражданства его носителем.

Богу Зевсу от Прискейна Валеса, тессерария первого Италийского легиона. Посвящение выполнено на греческом языке.

Геркулесу за здоровье наместника провинции Тита Витразия Поллиона (157г.) от Люция Мезия Прима, центуриона I Италийского легиона,

О почитании Луны воинами нижнемезийского гарнизона свидетельствует одна votivная надпись, обнаруженная в Новах. Посвящение поставлено от имени Гая Туллия Аполлинария, сына Гая, аквилифера I Италийского. В качестве родины дедиканта указан палестинский городок Скитополь. Аквилифтер – римский гражданин греческого (малоазиатского) происхождения, на что указывает его принадлежность к трибе Коллина, к которой приписывались римские граждане малоазиатско-греческого происхождения.

На почтительное отношение воинов к олицетворявшим различные природные силы нимфам указывает votivная надпись Тиберия Клавдия (когномен не сохранился), центуриона I Италийского легиона. Памятник обнаружен близ села Мадара Шуменского округа и относится ко II веку.

Началом III века датируется votivная надпись примпила I Италийского легиона Ария Корифа из Никополя - Диане

Три надписи поставлены Диане Регине. Первая – от Тита Флавия Юлия, центуриона I Италийского легиона и препозита нумера граждан римских. Вторая – от Гая Фирмина Лукиана, центуриона легиона I Италийского Антонинианского. Третья – от виксильярия этого же легиона.

Два посвящения направлены Аполлону. Первое поставлено по обету Гаем Юлием Сатурнином, центурионом регионалиев, выполнявших полицейские функции. Второе – за здоровье императоров – помощником центуриона I Италийского легиона Аврелием Бонитом.

Два памятника воздвигнуты Диане и Аполлону. Один – бенефициарием консуляром I Италийского легиона Вилланием Троилом за свое спасение. Имя дедиканта италийского происхождения. Другой – центурионом I Италийского Элием Артемидором за здоровье императорского легата Люция Статилия Севера и свое освобождение. По-видимому, Артемидор был отпущенником императорского легата, или последний способствовал его освобождению и развитию его карьеры.

И, наконец, мраморный жертвенник матери Дианы и Аполлона Латоне, поставленный центурионом I Италийского Квинтом Гранием Романом. Имя дедиканта чисто римское.

На рельефе фракийского всадника посвящение Диане от воина I Италийского легиона Юлия Юлиана. Как мы видим, все дедиканты – простые воины. Их имена свидетельствуют о недавнем получении римского гражданства.

Два посвящения обнаружены в святилище Асклепия при селе Лиляче Враченского округа. Принцепс дубликаций (солдат, получавший двойную зарплату) I Италийского легиона фракиец Ульпий Эптезен поставил надпись на рельефе Героя-всадника *Silvano et Silvestri*. Под термином *silvestri* подразумеваются нимфы. Об этом мы можем судить по votivному рельефу некоего Юлиана с одноименным посвящением. На рельефе изображены Сильван и нимфы.

Восточные культы. Три памятника воздвигнуты непобедимому богу Митре. Дедиканты: Марк Ульпий Модриан – центурион I Италийского, Гай Юлий Максим – префект лагеря I Италийского, Тиберий Клавдий Зенотот – сигнифер центурии этого же легиона,

Эпиграфические свидетельства о почитании Долихена представлены тремя votivными надписями. Первая поставлена за здоровье Антония Пия от Сатурнина, квестионария, возможно, I Италийского легиона т. к. надпись обнаружена в Новах.

Вторая – за спасение божественного императора. Дедикант – бенефициарий консуляра I Италийского, являвшийся одновременно членом городского совета Дионисополя, Марк Помпей Люций. Третий памятник воздвигнут Нумизием Руфином, опцием этого же легиона. Надписи датируются концом II века. Все три почитателя имели имена италийского происхождения и занимали командные посты в римской армии.

О почитании Кибелы. Надгробная плита ветерана I Италийского легиона Валерия Валента и его сына Валерия Валентиниса, бенефициария консуляра этого же легиона. Надгробие поставлено женой и матерью. В верхней половине плиты, влево от лицевой части, изображен Аттис, облаченный в типичное фригийское одеяние. Памятник датируется III в.

Одно посвящение поставлено Aeterno (Бессмертному богу). Надпись обнаружена в местечке Бяла Станина, датируется III веком и воздвигнута группой дедикантов: Марком Аврелием Ясоном, центурионом I Италийского легиона, а так же Ульпием Лукрецием, Аврелием Ясоном и Аврелием Лукрецианом, сыном всадников римских. Надпись изваяна на жертвеннике, поставленном pro sui (за себя). Имена дедикантов указывают на недавнее получение римского гражданства их носителями.

Таким образом, воины почитали как официальные римские божества, так же восточные и местные в различных синкретичных связях.

Список литературы

1. Corpus Inscriptionum Latinarum consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussiae editum. Berolini. Vol. I–XVI. Ed. 2. 1893-1955
2. Ritterling E. Legio // Pauly-Wissowa-Kroll. Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart. Bd. XII (1925). Coll. 13262 etc.

**СЕКЦИЯ №3.
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)**

**СЕКЦИЯ №4.
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)**

**СЕКЦИЯ №5.
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)**

**СЕКЦИЯ №6.
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)**

ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

**СЕКЦИЯ №7.
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)**

ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)

**СЕКЦИЯ №8.
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)**

**СЕКЦИЯ №9.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)**

**СЕКЦИЯ №10.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)**

**СЕКЦИЯ №11.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)**

**СЕКЦИЯ №12.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 01.02.06)**

**СЕКЦИЯ №13.
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)

**СЕКЦИЯ №14.
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)**

**СЕКЦИЯ №15.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)**

**СЕКЦИЯ №16.
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)**

БИЗНЕС, ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ОБЩЕСТВА: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

¹Ургалкин Ю.А., ²Бондарев С.И., ³Чеджемов Г.А.

¹ Доктор философских наук, профессор

² Кандидат философских наук, доцент

³ Старший преподаватель

ФГБОУ ВПО Самарский государственный экономический университет
кафедра социологии и психологии

Аннотация.

Рассматриваются теоретико-методологические и прикладные аспекты взаимодействия бизнеса и социальной сферы общества, показана роль органов власти, в том числе и региональных, в регулировании отношений бизнеса и общества.

Abstract.

Theoretical and methodological and applied aspects of interaction between business and social spheres of society. Shows the role of government, including regional, in regulating relations between business and society.

Ключевые слова: бизнес, власть, общественность, социальное партнерство, социально-экономическое развитие, социально-экономическое взаимодействие.

Keywords: business, power, public, social partnership, socio-economic development, social and economic interaction.

Характерной чертой современного российского общества является сближение экономической и социальной жизни. Активное взаимодействие и взаимовлияние экономики и социальной сферы в России начало развиваться сравнительно недавно. До двухтысячных годов, когда рыночные отношения только начали формироваться, они носили случайный и бессистемный характер. Роль бизнеса в развитии социальной сферы в основном сводилась к благотворительности отдельных компаний и зависела от личных пристрастий бизнесменов.

По мере укрепления и развития рынка, как главного стимула развития производства, социальная политика становится одним из важнейших направлений государственного регулирования экономики. Она

выступает как атрибут внутренней политики государства, направленный на удовлетворение материальных, духовных и культурных потребностей людей.

На этом фоне возникает своего рода симбиоз социальной политики, бизнеса и социальной сферы. Становится обычным участие хозяйствующих субъектов в решении актуальных социальных проблем на федеральном и региональном уровнях, что значительно укрепляет социальную стабильность в обществе. Это обстоятельство приобретает особую актуальность на фоне отсутствия на сегодняшний день единого мнения о формах взаимодействия бизнеса и социальной сферы. В результате предприниматели, представители органов власти, «курирующие» эту сферу деятельности, общественность вкладывают в понятие «социальное взаимодействие» разный смысл. Государство фактически пытается переложить на плечи предпринимательства все тяготы обеспечения нормальной жизнедеятельности граждан, бизнес ждет от государства преференций в виде различного рода льгот, а граждане уверены, что и государство и бизнес по определению обязаны решать их повседневные проблемы.

Нет сомнений в том, что бизнес должен способствовать поддержанию приемлемого уровня жизни населения, но полностью взять на себя социальные функции государства он не в состоянии, да и не должен. В этих условиях требуется создание системы взаимодействия предпринимательства, органов государственной власти и общественных организаций, направленной на поиск новых возможностей партнерства бизнеса, власти и общества.

Такое партнерство представляет собой «социальный механизм взаимоотношений органов государственной, региональной и муниципальной власти, с владельцами предприятий, компаний и фирм (работодателями) и представителями трудящихся (профсоюзами), объединения ресурсов для эффективного решения социально-экономических проблем общества»[1.С.210].

Одним из направлений подобного сотрудничества является заключение договоров между бизнесом и органами власти территорий, на которой осуществляют свою деятельность предприниматели. Программы социально-экономического развития регионов все больше составляются с учетом деятельности бизнеса и его возможностей по развитию тех или иных административных территорий.

Целенаправленная политика в вопросах социальной ответственности и взаимоотношений с местным сообществом подразумевает, что программы рассматриваются как инвестиции в социальную сферу. В этом случае выгоды получают и компании, и граждане, проживающие на данной территории. Текущие вложения заменяются долгосрочными программами развития территорий. Власть, в свою очередь, перестает рассматривать бизнес просто как источник доходов для «латания дыр» в социальной сфере.

Заключение договоров о социальном сотрудничестве позволяет планировать и оптимизировать свои расходы на социальные программы всех направлений, отслеживать их эффективность, без ущерба корпоративным интересам. В результате повышается эффективность взаимодействия с местными властными органами и общественностью, значительно снижается социальная напряженность, повышается трудовая мотивация[2.С.21-28] и лояльность персонала. Практика заключения таких соглашений является эффективным способом взаимодействия между предприятием и органами местной власти. Она позволяет не только на бумаге отразить объективные проблемы, но и затем решать их совместными усилиями.

Примером такого сотрудничества является соглашение между администрацией города Самары и региональным объединением работодателей «Союз работодателей Самарской области» о взаимодействии по основным направлениям стратегического развития промышленного комплекса городского округа. В документе прописан порядок совместных действий по реализации Стратегии комплексного развития городского округа Самара на период до 2025 года. Причем Союз работодателей принял активное участие в создании этого документа. Основной целью подписания документа является активизация и расширение экономического и научно-технического сотрудничества, всестороннее развитие хозяйственных связей для дальнейшего освоения производственных, природных, трудовых и иных ресурсов Самарской области, в том числе на основе разработки и реализации совместных проектов и программ, представляющих взаимный интерес. В Соглашении подчеркнута важность осуществления совместных усилий по поддержанию стабильной социально-экономической ситуации в области. По мнению вице-президента регионального объединения работодателей «Союз работодателей Самарской области» А. Бульхина конструктивные отношения между бизнесом и властью приносят ощутимый результат [3]. На основе соглашений между Самарским областным правительством и ОАО «Роснефть» и «Газпром», частным инвестором «Современные медицинские технологии» в области построен и строится ряд крупных объектов здравоохранения (кардиохирургический центр), образования (возведение общеобразовательных школ и детсадов), спорта (ледовый дворец «Кристалл» и десятки спортплощадок). Компания «Лукойл» будет возводить универсальный спортивный комплекс в Кошкинском районе.[4]

Продукция 24 предприятий (33 вида изделий), принявших участие в минувшем году во Всероссийском конкурсе «100 лучших товаров России» была признана лучшей, а ООО «НЗМП», ОАО «КНПЗ», ООО «АвтоГАЗТранс», ООО «Самарские оконные конструкции» и ряд других стали лауреатами в таких номинациях, как «Промышленные товары для населения», «Продовольственные товары», «Услуги для населения». Реализация социальной политики является приоритетной в деятельности указанных предприятий.

Следует иметь в виду, что социальная политика предпринимательства включает в себя два компонента: внутренний - для своего трудового коллектива, и внешний - для населения территории, на которой она проводится. В основе внутренней политики лежит заключение коллективных договоров, предусматривающих социальную защиту сотрудников организации, их пересмотр и совершенствование заинтересованными сторонами в связи с меняющимися обстоятельствами и т.д. Внешняя сторона деятельности бизнес-структур направлена на решение социальных проблем «территории пребывания». Она включает в себя поддержку молодежи и детей, социально незащищенных слоев населения (ветеранов, инвалидов, сирот, многодетных семей), обеспечение условий для получения образования, медицинского обслуживания, и здорового образа жизни и т.д. Ярким примером в этом отношении является Новокуйбышевский завод масел и присадок, вошедший в число 100 лучших предприятий России в секторе нефтяной и газовой промышленности. В 2014 году на предприятии был принят новый коллективный договор, предусматривающий усиление социальной защищенности работников. Количество льгот увеличилось с 35 до 43. Около 79 миллионов рублей составили расходы на природоохранную деятельность, более 3-х миллионов рублей – на благотворительность[5].

Это еще раз подтверждает, что бизнес в вопросах социальной политики должен ориентироваться не только на свои собственные интересы, но и на потребности всего населения территории. И это правильно, поскольку благополучие трудового коллектива непосредственно связано с участием в решении проблем граждан региона, является необходимым условием успешной предпринимательской деятельности.

Большое внимание социальным проблемам трудового коллектива и населения города Жигулевска уделяет филиал ОАО «Русгидро» - Жигулевская ГЭС. Памятуя о том, что любое, включая крупное, предприятие не может существовать в отрыве от того места, где оно находится, руководство ГЭС всегда старается помочь Жигулевску в уборке территории, в благоустройстве, работе с детьми, ветеранами труда, медицинском обслуживании, обеспечении школами и детскими садами[6]. АО «СНПЗ» (Сызранский нефтеперерабатывающий завод) только на экологические мероприятия выделил в 2014 году 600 миллионов рублей, что в полной мере позволило восполнить ущерб, нанесенный биоресурсам Саратовского водохранилища. Кроме того, в социальной политике предприятия большое место занимает работа с молодежью. Достаточно сказать, что за последние 4 года предприятие приняло на работу 443 выпускника университетов и колледжей [7].

Богатый опыт социально-экономического партнерства между бизнесом и властью накоплен в Самарском АПК. Так для привлечения кадров заключены соглашения между учебными заведениями, предприятиями и муниципальными органами власти. ЗАО «Евротехника» закупило три комплекта новейшего оборудования для обучения учащихся в Кинель-Черкасский, Усольский и Безенчукский техникумы. Предприятие ООО «Пегас-Агро», ОАО «Самарский БКК», ООО «Промпереработка» вкладывают большие средства в подготовку кадров, в развитие образования, спорта, медицинского обслуживания населения [8]. Именно это обстоятельство является основой для развития и укрепления социально-экономического сотрудничества власти, бизнеса и общественности.

В настоящее время существуют различные способы сотрудничества бизнес-структур с органами власти и общественностью. Например, отбор социальных программ и их реализация на конкурсной основе. Это может проявляться также в активном участии финансовых служб той или иной компании в формировании муниципального бюджета.

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимодействие бизнеса, включая среднее и малое предпринимательство, власти и общества предполагает их совместное согласованное участие в социальном развитии территории, согласованные действия с местными и региональными властями. Поэтому главной задачей является выстраивание партнерских отношений, позволяющих бизнесу реализовать свои программы в общем контексте региональной социальной политики, выстраивать положительный имидж региона, благоприятный инвестиционный климат, рост доверия населения к власти и бизнесу на основе широкого участия жителей регионов в процессе принятия решений на местном уровне.

Список литературы

1. Ургалкин Ю.А., Бондарев С.И. Социальное партнерство бизнеса и власти: региональный аспект// Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1.С.202. Самара 2014. С. 210.

2. О мотивации труда см. подробнее: Борисов С.В., Ургалкин Ю.А. Мотивация трудовой деятельности.//Известия института систем управления Самарского государственного экономического университета, №2, 2011.С. 21-28.
3. <http://sgpress.ru/NewsByDate/V-SamF1Eare-biznes-i-vlast-prodolzhayut-sotrudnichestvo48655.html>
4. Волжская коммуна27.03.2015
5. Самарское обозрение.23.12.2014
6. Самара. www.kp.ru.26.12.2014
7. Волжская коммуна.20.03.2015
8. Самарское обозрение. 23.12.2014

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ)

Кочина Е.А.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова г.Абакан

Культурный ландшафт Республики Хакасия определяется на основе диалога разных культур Востока и Запада, российской ментальности, что и определяет самоидентификацию населения республики (в настоящее время, Республика Хакасия является многонациональным субъектом Российской Федерации, в котором проживают представители свыше 100 национальностей. Национальный состав республики характеризуется по удельному весу в общей структуре населения следующим образом: русские –81,7%; хакасы – 12,1%; украинцы – 1,0%; немцы – 1,1%, татары – 0,6%; шорцы – 0,2%, другие национальности – 3,3%) наиболее многочисленные этнические общности Хакасии – русские и хакасы, составляющие свыше 90% населения Республики Хакасия [2].

Изначально, как показывает теоретический анализ научной литературы, в «понятийный обиход» понятие «идентичность» «вошёл» во второй половине XX что подтверждают словари социогуманитарных, философских наук. В последние годы, понятие идентичность всё чаще можно встретить в научных, периодических изданиях, статьях, западной, а также Российской литературе. Само понятие идентичность, несмотря на обильное количество исследований является одним из неоднозначных. И в зависимости от проблемы исследования понятие «идентичность» приобретает свою интерпретацию. Термин национальная идентичность базируется на синтезе социальных, культурных, политических идей и ценностей, достигаемом в результате взаимодействия различных конкурирующих моделей идентичности. В зарубежной социологической литературе, указано, что важной составной частью национальной идентичности являются этническая и религиозная идентичности. А именно основополагающим в национальной идентичности является культура и менталитет как мощный интегрирующий символический (духовный) ресурс [1]. В отечественной научной литературе чаще всего национально-культурную идентичность рассматривают как все, то, что держит нас в этом мире – будь то принадлежность к семье, к общине, к племени, к нации, к религии или, прежде всего, к месту, называемому домом.

Следовательно, целью нашего исследования являлось изучение национально-культурной идентичности жителей Республики Хакасия.

В качестве инструментария исследования, нами был использован опрос (N=1150 чел.). Среди респондентов мужчин 509 человек (44,3%) в возрасте от 18 до 55 лет, женщин 641 человек (55,7%) в возрасте от 18 до 55. Образование респондентов: ниже среднего 34 человека (3%), средняя школа 171 человек (14,9%), начальное профессиональное 177 человек (15,4%), среднее профессиональное 431 человек (37,5%), высшее образование 337 человек (29,3%).

В данной статье представлена часть массового исследования, в которой отражены результаты, дающие представление о становлении – национально-культурной идентичности жителей проживающих на территории Республики Хакасия.

Важнейшим аспектом национально-культурной идентичности является чувство «инаковости» к другим.

На вопрос «Какую группу людей Вы чаще всего имеете ввиду, произнося слово "Мы"?» ответы респондентов распределились следующим образом, прежде всего гражданами России считают себя 533 ответивших (47%), жителями одной республики считают себя 393 респондента (34,7%), гендерная идентификация свойственна 255 респондентам (22,5), то есть это те люди которые отвечая на вопрос к какой группе я себя отношу произнося слово «Мы» ответили к мужчинам или к женщинам, с людьми одного поколения

идентифицируют себя 210 человек (18,5%). Менее всего респонденты идентифицируют себя с людьми одной профессии 68 человек (6%), носителями одной культуры 52 человека (4,6%), с людьми одних политических взглядов 27 человек (2,4%).

Можно сказать, что основополагающей для респондентов является региональная идентичность, менее значимой культурная и политическая.

Одним из более существенных показателей влияющих на процесс становления национально-культурной идентичности является оценка перспективы будущего России. Социологический опрос показал, что практически половина опрошенных, а именно 544 человека 47,3%, считают, что Россию ждёт великое будущее, 326 респондентов 28,3% считают что Россия вряд ли сможет стать экономически развитой страной, жизнь в России всегда будет хуже, чем в развитых странах, а 56 респондентов 4,9% ответили, что Россия может стать великой державой при определённых обстоятельствах. Затруднились дать ответ на данный вопрос 224 респондента 19,5%, можно сказать что данная доля респондентов вообще не задумываются о перспективе своего будущего и будущего страны.

Далее респондентам был задан вопрос: «Какую религию вы исповедуете?», полученные данные представлены в Табл.1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какую религию вы исповедуете?»

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от общего числа опрошенных
Православие	576	50,1	50,1
Католицизм	18	1,6	1,6
Протестантизм	1	0,1	0,1
Ислам	4	0,3	0,3
Буддизм (ламаизм)	328	28,5	28,5
Иудаизм	0	0,0	0,0
Старообрядчество	3	0,3	0,3
Свидетели Иеговы	4	0,3	0,3
Язычество	28	2,4	2,4
Шаманизм	23	2,0	2,0
Тенгрианство	2	0,2	0,2
Бурханизм	5	0,4	0,4
Я - атеист	68	5,9	5,9
другая	4	0,3	0,3
никакую	98	8,5	8,5
Албай зан	0	0,0	0,0
Белая вера (Ак- жан)	1	0,1	0,1
Итого ответивших:	1150	101,1*	100,0**

С точки зрения опрошенных, межконфессиональная (межрелигиозная) напряженность в регионе существует и вызвана она, прежде всего: политическими процессами в стране так считают 138 человек (28,3%), ухудшением ситуации в экономике 78 респондентов (16%), миграцией из других регионов страны и из-за рубежа 57 (11,7%), деятельностью религиозных организаций 55 (11,3%), затруднились ответить на данный вопрос 117 опрошенных (24%).

При этом, на вопрос «Как вы оцениваете отношения между представителями различных религий в вашем регионе в настоящее время?», 40,5% респондентов ответили, что отношения благоприятные, а 28,3% отметили, что имеется скрытая напряжённость.

Также в исследовании был задан прямой вопрос: «Есть ли конфессии, к представителям которых Вы испытываете неприязнь?» 86,2% респондентов ответили, нет, 13,8% ответили согласием на данный вопрос.

Значительную роль в формировании национально-культурной идентичности играют ценности и ценностные ориентации, результаты исследования свидетельствуют о том, что в ценностных ориентациях приоритетное значение имеют семья, здоровье и любовь, материальное благополучие, личное достоинство, карьера, образование наименее значимыми для респондентов являются: власть, демократия, честь, предприимчивость.

Итак, согласно данным проведенного опроса, в целом, к особенностям национально-культурной идентичности в регионе можно отнести религиозную, территориальную, этническую идентичность следовательно, под национально-культурной идентичностью можно понимать отождествление социального субъекта с определенной национальной общностью и ее социокультурными образцами.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-03-00493).

Список литературы

1. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национальнокультурной идентичности //Вопросы социальной теории 2010 Том 4 с.223-241
2. Официальный портал Республики Хакасия [Э/п]. – Р/д: <http://www.r-19.ru/authorities/the-ministry-of-national-and-regional-policy-of-the-republic-of-khakassia/docs/programmy-i-plan/2049/> (дата обращения: 09.03.2015.).

СЕКЦИЯ №17.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)

СЕКЦИЯ №18.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)

СЕКЦИЯ №19.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА

Черных А.Б., к.с.н., доцент кафедры «Менеджмент»

Иркутский государственный университет путей сообщения, г.Иркутск

В статье осуществляется попытка социологического анализа процесса миграции на материалах данных Иркутска и крупных городов Иркутской области, анализируются новые тенденции в развитии миграционных процессов, произошедшие в Российской Федерации в период проведения реформ, и образовавшие специфическое проблемное поле теории и практики современного социального управления.

Миграция населения как сложный социальный процесс, тесно связан с изменением не только экономической структуры и размещением производительных сил на территории страны, а так же с ростом социальной и трудовой мобильности. Годами сложившиеся миграционные потоки формируют региональные рынки труда, меняя качественные характеристики социально-экономического, социально-демографического, социально-культурного состава населения регионов. Миграция сегодня не может рассматриваться только как движение рабочей силы – этот процесс становится социокультурным.

В современных условиях научное осмысление влияния миграционных потоков на социокультурные аспекты жизни российского общества имеет несомненную актуальность. Достаточно остро сегодня в регионах стоит необходимость повышать эффективность административного и социального управления миграционными процессами, кроме того важна разработка целевых программ реализации потенциала процессов внешней и внутренней миграции населения, направленных на улучшение демографической ситуации в России, преодоление грозящей ей депопуляции и решение социально-экономических задач [3, 324].

В современных условиях представляется сложным определить типологию миграционных потоков, поскольку невозможно концептуально отразить сложности индивидуальных решений о миграции. Тем не менее, целесообразно выделить наиболее актуальные миграционные тенденции, воздействующие на Россию: 1) миграцию между Россией и ближним зарубежьем; 2) миграцию внутри России. Характер, направленность, тенденции развития миграций на региональном уровне тесно связаны с активизацией миграционного движения населения на постсоветском пространстве в целом, и как на территории России, так и на региональном уровне. Согласно данным ФМС РФ миграционные тенденции в регионах по своим качественным и количественным характеристикам разнятся, но, тем не менее, сохраняются и общие черты. В настоящее время наиболее заметной проблемой миграционного движения представляется именно иммиграционная составляющая. Она сопровождается возникновением напряженности в местах вселения отдельных этнических групп. Причина заключается в изменении структуры внешней миграции в Россию: наряду с возвращением русских, начиная с 1993 года, заметно активизировалась иммиграция в Россию представителей национальных республик нового зарубежья. Основу миграционного потока в настоящее время составляют трудовые мигранты.

Развитие миграционной ситуации в Иркутской области, в целом соответствует основным тенденциям миграционных процессов в России. К особенностям можно отнести следующие утверждения:

Во-первых, согласно статистическим данным, к началу 2000-х гг. эмиграционный отток населения превышает миграционный прирост. Сокращение численности коренных жителей происходит на фоне усугубляющихся демографических проблем и возрастающего притока мигрантов из республик Центральной Азии и КНР [1, 8-22]. Можно говорить о том, что в настоящее время происходит постепенное замещение одних этнических групп другими. Тем не менее, следует отметить, что миграционный прирост за счет притока трудовых мигрантов все же не компенсирует потери населения.

Во-вторых, при анализе образовательного и квалификационного уровня мигрантов а так же их предпочтений в трудоустройстве, следует отметить, что замещение коренного населения происходит лишь в отдельных областях народного хозяйства, например в строительной и торговой, оставляя другие области испытывать кадровый голод. Большинство мигрантов имеют крайне низкий квалификационный уровень и часто испытывают языковые трудности. Уже в течении нескольких лет на российском рынке наблюдается массовая занятость иностранцев в неквалифицированном сегменте. Доля иностранных работников, официально занятых в качестве неквалифицированных рабочих, в 2012 г. составила 31% от всех работавших иностранных граждан. С учетом нелегально работавших, доля неквалифицированного персонала была явно выше. По данным опроса работодателей, доля неквалифицированных рабочих среди всех занятых иностранцев превышала 60%. При этом доля неквалифицированных рабочих-иностранцев в общем числе неквалифицированного персонала опрошенных организаций составила в среднем 31%, а в организациях малого бизнеса превысила 40%. [4].

В-третьих, согласно данным опросов мигрантов, проведенных автором в 2013-14 гг. на территории городов Иркутской области, на региональном уровне принимающие сообщества имеют дело с группами населения, обладающими совершенно определенными социальными, культурными, этническими и религиозными характеристиками, умеющими проявлять свою социальную активность в том виде, который был ими усвоен и опробован в практике в «родных» социокультурных, этнических средах. Процессы ассимиляции мигрантов требуют особого пристального внимания региональных властей с позиции минимизации опасности социальной напряженности между стихийно складывавшимися, в течение десятилетий после развала СССР, этнокультурными группами населения. Возникающие проблемы лежат в основном в сферах экономики, соблюдения юридических норм и правил, образовательной и других. При имеющихся тенденциях ассимиляции, тем не менее, в большинстве случаев (согласно данным тех же исследований) выгода и интересы мигрантов остаются по месту проживания их этнической общины — на родине. 59% из числа опрошенных автором мигрантов хотят жить на Родине, а 91% при ответе на вопрос «Как Вы отнесетесь к тому, что Ваши дети (или внуки) изменят своим религиозным или культурным предпочтениям в результате переезда на постоянное место жительства в Россию?» ответили резко отрицательно. Таким образом, в составе прибывающих в регион мигрантов, преобладают лица, имеющие низкий уровень образования, квалификации, со слабым знанием русского языка, норм общения, юридических правил проживания в нашей стране и культуры российского населения. Все это затрудняет их трудовую и социально-культурную адаптацию, создает основу социальной напряженности в регионах РФ, где высоки показатели миграционного притока. Трудовые мигранты на сегодняшний день становятся весомым социально-экономическим фактором: с одной стороны они насыщают рынок низкоквалифицированной рабочей силы, занимая нишу низко востребованных специальностей, с другой, по утверждению ряда авторов, способствуют оттоку денег из России, ухудшают криминогенную ситуацию и межэтническую напряженность. [5, 77] Также из минусов трудовой миграции нужно отметить: размывание этнокультурного баланса, демпинг рынка труда. Тем не менее, с дальнейшим развитием в Сибирском федеральном округе промышленных центров и

нарастающим оттоком из этих регионов в центральные области страны высококвалифицированных кадров, все более очевидной становится необходимость во внешних мигрантах, обладающих высоким трудовым и социально-культурным потенциалом [2, 802].

Анализ и прогноз современной миграционной, демографической и социально-экономической ситуации и перспектив ее развития показывают, что миграционные процессы в ближайшем будущем будут приобретать для российского государства все большую значимость.

Необходима разработка государственной миграционной политики, которая носила бы целостный характер, была увязана с перспективами экономического и социального развития страны, а также с демографической политикой, и являлась полноценной составной частью внутренней и внешней политики России. Следует отметить, что при разработке рекомендаций по выработке и совершенствованию миграционной политики, необходимо иметь в виду большое познавательное и практическое значение исторического опыта в осуществлении миграционной политики в России и СССР. Кроме того, необходимо принимать во внимание практику осуществления миграционной политики в других странах. Но огромное значение имеет учет социально-экономических и политических условий, в которых данная политика разрабатывается, и тех социальных задач, которые стоят перед Россией в будущем. Эффективное регулирование миграционных процессов должно войти важнейшей составной частью в стратегию экономического и социального развития России, также и на региональном уровне, и именно в таком контексте оно может стать реальным. Необходимо переходить к поэтапной разработке Комплексной программы регулирования миграционных процессов в Российской Федерации на основе Федеральной миграционной программы.

Список литературы

1. Аналитический обзор 2013 УФМС РФ по Иркутской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn--38-7lcun.xn--p1ai/docs/analitic/anobzor_1-11_2013.pdf
2. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Тематический блок "Безопасность железнодорожного транспорта" Научн. рук. Н.А. Махутов. - М.: МГОФ "Знание, 2014, - 856 с.
3. Демографический ежегодник России 2014: Стат. сб./ Росстат. – М., 2014. – 525 с.
4. Малева Т. Миграции и российский рынок труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eabr.org/general/upload/Maleva_Tatyana_Migracii_i_rossiyskiy_rynok_truda.pdf
5. Орешкин В.А. Россия и международная миграция трудовых ресурсов//Мировая экономика и международные отношения. – 2004. - №3. – С 77

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)

СЕКЦИЯ №20.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)

СЕКЦИЯ №21.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)

СЕКЦИЯ №22.

ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)

СЕКЦИЯ №23.

ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)

**СЕКЦИЯ №24.
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)**

**СЕКЦИЯ №25.
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)**

**СЕКЦИЯ №26.
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)**

**ДОВЕРИЕ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ КАК ПРОБЛЕМА
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА**

Глушко И.В.

Азово-Черноморский инженерный институт ФГБОУ ВПО
«Донской государственный аграрный университет», г.Зерноград

В научном дискурсе понятие «доверие» нередко просто используется как само собой разумеющееся, или имеет разное смысловое содержание, являя собой предмет изучения различных социальных наук в русле разных методологических подходов. Каждая наука рассматривает доверие под своим собственным углом зрения - эмоционально-психологическим, культурно-ценностным, политическим, социально-экономическим, и пр. Это создало необходимый научный багаж, который необходимо использовать для исследования этого многомерного и многофункционального феномена. Участвуя в философской диагностике современности, социальная философия не может оставаться в стороне от этих исследований.

Социальная философия понимает доверие как связующее звено между индивидуумом и социальным миром, поскольку: 1) доверие выступает как «гуманитарный фильтр», через который человек пропускает всю информацию об окружающей действительности, а затем принимает или не принимает ее, прежде чем вступить в ту или иную форму социальной связи с миром и взаимодействия с другими людьми; 2) без обращения к проблеме доверия невозможно обращение к целостному человеку и его жизненному миру, коммуникатирующему с миром социума; 3) доверие выступает как часть ценностно-нормативной системы, на которую ориентирован индивид в различных формах жизнедеятельности; 4) доверяя себе, друг другу, и миру в целом, люди преодолевают преграды и трудности, экономя свои усилия и минимизируя издержки как экономического, так и социального характера.

С социально-философской точки зрения, доверие выступает как социальная реальность, детерминируемая трансформационными изменениями современного, в том числе российского, общества, которое, испытывая дефицит доверия, остро нуждается в нем как основании социального капитала, консолидации общества и преодолении кризисных явлений. Этим определяется и высокая социальная значимость исследований, ориентированных на получение социально-философского знания о доверии как результате и инструменте исследования транзитивных социальных отношений. Проникновение в тайны взаимосвязи бессознательных архетипически-ментальных, эмоциональных, волевых, нравственных, когнитивных, рациональных и институционализированных элементов системы доверия позволит проследить эволюцию данного феномена, социокультурных форм и типов его существования в диапазоне от доверия к недоверию, их изменений, дает возможность разработки методики качественного анализа доверия в трансформирующихся социальных системах.

Данным обстоятельством обусловлена двойственность исходного пункта социально-философского исследования. Им является не «доверие» само по себе как явление, а существование доверия как социальной реальности. В трансформирующемся социуме создаются такие формы доверия, которые проблематизируют его сущность и содержание, и тем самым осложняют функционирование доверия, приводят к полному или частичному отказу от него. Поэтому представляется, что исходный пункт образуется категориальной парой «доверие-недоверие», показывающей, что феномен недоверия также является составной частью содержания доверия [1].

Отмеченная дихотомия объекта философского исследования содержит следующие возможности его развертывания: социальная философия, как частная онтология, выстраивается вокруг категории «доверие», тогда

как воспроизведение композиции философского знания (доверие-недоверие) в социальной философии осуществляется как противопоставление социального идеала доверия тому состоянию, которое будет рассматриваться как трансформация (разрушение) доверия в современном социуме.

Все перечисленное, в конечном счете, создает перспективу для разработки концепта «доверие-недоверие», а также практического внедрения гуманитарных технологий преобразования (оборачивания, трансформации) доверия и превращенных его форм, развития культуры доверия как активно воспроизводимой в социальных практиках структуры отношений, которая может сознательно планироваться и регулироваться в целях преодоления недоверия.

Данными обстоятельствами и обусловлен интерес к доверию и недоверию как социально-философским категориям и к дихотомии «доверие-недоверие», которые требуют рассмотрения на концептуальном уровне.

Фрагментарность и разрозненность знаний отдельных наук, в свою очередь, препятствуют достижению целостности общей теории доверия. Дисциплины работают каждая в своем предметном поле, иногда используя методы других наук, что показывает мультидисциплинарный характер исследований явления доверия. Накопленные знания дают представления о доверии в российском обществе с точки зрения социокультурного, структурно-функционального, системного, аксиологического, трансформационного, институционального, конструктивно-деятельностного подходов и показывают, что, во-первых, доверие есть форма социальных отношений, базирующаяся на ценностно-смысловых установках; во-вторых, доверие есть рациональное социально-практическое действие и социальный ресурс (экономический, политический, управленческий, коммуникативный и пр.), приносящий свои плоды в виде снижения социальных рисков и потерь.

Преодоление фрагментарности предполагает переход к концептуальному мышлению, выходящему за пределы дисциплинарного и мультидисциплинарного подходов.

Основу социально-философского исследования доверия может составить трансдисциплинарный подход, в рамках которого осуществляется метатеоретическое обобщение накопленного знания социально-гуманитарных дисциплин о доверии как многомерном и многофункциональном явлении.

Трансдисциплинарный подход вписывается в одну из классификаций научных подходов, основанием которой является степень полноты познания окружающего мира. Выделяют несколько основных подходов: дисциплинарный подход, междисциплинарный подход, мультидисциплинарный (полидисциплинарный) подход и трансдисциплинарный системный подход. В настоящее время трансдисциплинарность трактуется как «способ расширения научного мировоззрения, заключающийся в рассмотрении того или иного явления вне рамок какой-либо одной научной дисциплины» [3, с.13].

Трансдисциплинарный подход основан на формальной взаимосвязи вкладов отдельных дисциплин в изучении исследуемого объекта, и имеет статус системного подхода. Учитывая, что данный подход открывает широкие возможности взаимодействия многих дисциплин при решении комплексных проблем, и доверие относится к числу таковых, в исследованиях доверия-недоверия такой подход позволит осуществить метатеоретическое обобщение дисциплинарного знания по проблеме доверия-недоверия в рамках современного, в том числе российского общества, позволит эксплицировать теории доверия, представленные в психологической, социологической, философской, политической, экономической и организационно-управленческой науках [2].

Основанием такого рода исследования может стать неоклассическая модель научного исследования, синтезирующей классические и неклассические подходы к изучению доверия как многомерного и полифункционального явления. Неоклассическая модель позволяет разработать методологический конструкт исследования доверия-недоверия в современном российском обществе. Предпосылками для разработки этого методологического конструкта могут стать социокультурный, структурно-функциональный, системный, аксиологический, трансформационный, институциональный, конструктивно-деятельностный подходы, используемые при изучении состояния и тенденций развития доверительных отношений в социальных практиках современного российского общества.

Представляется, что формулируя методологический конструкт социально-философского исследования доверия, следует учитывать, что задачи исследования вытекают из потребностей трансформирующегося современного российского общества. Кроме того, социальные отношения в процессе развития общества и современных российских трансформаций таким образом изменили внутреннюю сущность доверия, что потребовались формализация доверительных отношений и их институциональное закрепление. В силу этого для исследования дихотомии «доверие-недоверие» потребуются использования широкого набора методологических установок и принципов диалектического, феноменологического, герменевтического, семантического анализа, применения методов социальной когнитологии, социального конструктивизма, философских процедур категоризации и концептуализации.

Список литературы

1. Глушко И.В. Ангажированность недоверия в условиях транзитивных социальных отношений/И.В.Глушко//Историческая и социально-образовательная мысль. Всероссийский научный журнал. - 2015. - №3. - С.103-107.
2. Глушко И.В. Методологические основания и категориально-парадигмальный схематический конструкт анализа социального феномена доверия/И.В.Глушко//Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.- 2014. - №9: В 2-х ч. - Ч.I. - С. 51-54.
3. Мокий В.С. Основы трансдисциплинарности /В.С. Мокий. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2011. - 368 с.

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Сомкина А.Н.

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

На ранних этапах общественного развития и формирования человека понимание справедливости восходило к натурфилософским и мифологическим представлениям. Оно включалось в более широкое синкретическое понятие, отражавшее миропорядок в целом, и охватывало одновременно и природные процессы, и бытие как такое, и социальные взаимоотношения. Такая трактовка была связана с признанием незыблемости правил первобытного строя: «справедливость есть следование установленному свыше порядку». На практике это приобрело негативный смысл – требование наказания за нарушение нормы (которая нашла своё выражение в институте родовой мести).

Более сложное, позитивное понимание справедливости, включающее в себя наделение людей благами, возникает в период выделения индивидов из рода (античность). Первоначально оно означает главным образом равенство всех людей в пользовании средствами жизни и правами. С возникновением частной собственности и неравенства справедливость начинают отличать от равенства, включая в неё и различие в положении согласно заслугам.

Как следствие в древнегреческой философии категория «справедливость» приобретает социальное содержание. От того, на кого был направлен поступок (на врагов или друзей) зависело, справедлив он или нет. Она выступала критерием оценки действий личности сквозь призму групповых интересов, их полезности или вредности для общества. Так, например, Платон считал, что главное божественное благо – разумение, второе – сопутствующее разуму здоровое состояние души, третье – справедливость, четвёртое – мужество. Он отстаивал сверхчувственный характер справедливости, её всеобщность, неизменность, необходимость и неразрывную взаимосвязь с социумом. Аристотель продвинулся дальше в понимании справедливости, предложив разделять её на уравнительную и распределительную. Первая предполагает воздание равным за равное и имеет универсальный характер. Вторая – исключает равенство. В соответствии с её принципами блага распределяются не поровну между людьми, а по достоинству каждого. Она не имеет общезначимого характера и зависит от общественного устройства (принятых в обществе норм и ценностей). Такое выделение выражало уже политическое и имущественное неравенство, свидетельствующее о развитости социальных отношений.

Таким образом, на самых ранних этапах истории, с момента появления первых философских учений о человеке, обществе, праве и государстве понятие справедливости наполнено глубоким социальным смыслом, оно многоаспектно (multisided) в своём общественном значении [6]. В древние времена справедливость как нравственно-этическое понятие использовалось в качестве общепринятого (универсального) критерия оценки поступков людей.

На протяжении средневекового периода понятие справедливости было включено в рамки теологического мировоззрения. Она ассоциировалась в общественном сознании как фиксация Божьего порядка и выражение воли Бога. Наиболее влиятельным защитником теологического понимания справедливости следует считать Фому Аквинского, который развил учение Августина о Граде Божием как вместилище справедливости. С точки зрения Аквината, справедливость может быть реализована только в христианском государстве. Применяя искусные диалектические приёмы, он усложнил проблему определения справедливости, предложив тонкие дистинкции между *lex aeterna*, *lex humana*, *lex divina* и *lex naturalis*. Согласно его философии, естественный закон тождествен

божественному, и его толкование должно быть вынесено за сферу обычного человеческого разума и сделано предметом особой теологической дисциплины. В течение долгого времени это понимание справедливости, основанное на непреложных принципах христианского учения, оставалось без изменений.

В Новое время мыслители всё больше подходят к пониманию связи справедливости с существующими социальными институтами. По мере развития капиталистических отношений на смену теоцентристскому подходу приходит юридический. Понятие справедливости стало предметом не только философских, но и правовых исследований. Широкое распространение получает концепция естественного права, связывающая справедливость с основным политическим институтом общества – государством (Т. Гоббс, Дж. Локк [2; 4]).

Отличительной чертой философии этого периода была реакция на авторитарные концепции закона. На идеях Возрождения и Реформации выросла систематически разрабатываемая философия справедливости и прав человека, которая радикально отличалась от предшествующих теорий. И первым шагом в этом направлении была попытка установить при помощи разума универсальные принципы морали, политики и права. В качестве методологического образца были взяты доказательства из геометрии. Несомненно, сильнейшее воздействие на концепции справедливости в это время оказывало быстрое развитие естествознания, движущей силой которого считали применение метода, гарантировавшего математическую точность и достоверность результатов.

Наибольшее развитие эти идеи получили в трудах Б. Спинозы. Именно в его философии становится очевидной ошибочность дедукции принципов естественного права с помощью псевдоматематического метода. Несмотря на геометрическую форму, в которую Б. Спиноза облекает свою этическую систему, ясно, что он выходит за пределы дедуктивного доказательства в попытке свести моральную справедливость к естественным законам [5].

Итоги философского развития идеи справедливости в XVI – XVIII вв. были подведены в трудах И. Канта. Он впервые различил моральную и правовую справедливость. И. Кант утверждал, что человеческий разум автономен и не является вторичным источником для постижения законов природы или божественного разума. Что разум говорит человеку, то должно становиться для него законом. Универсальная природа законодательства разума обосновывается тем, что отрицать его предписания – значит отрицать само существование и моральную природу человека. Таким образом, для И. Канта справедливость реализуется в таком общественном строе, где господствует признание следующего императива разума: критерием поступка является приемлемость стоящего за ним универсального принципа, подходящего для всего человечества [3].

В отличие от Канта Г. Гегель считал справедливость предметом философии права. Он делает акцент на уравнилительной справедливости, исключая, при этом, из договорных отношений вопрос о государственной власти. Государство – абсолютная целостность, стоящая выше свободы личности и общества, которая не может быть предметом договора. Справедливость как основа права закреплена в конституции, которая и есть «существующая справедливость, как действительность свободы в развитии её разумных определений» [1].

В марксизме (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин) справедливость – идеологическое выражение существующих экономических отношений, чьё содержание и состояние зависят от принятого способа производства. Следовательно, всё, что ему не соответствует – несправедливо.

В последние годы акцент в изучении сместился с темы социальной справедливости в сторону так называемой этнокультурной (межкультурной) справедливости. Это обусловлено тем, что вопрос социально-экономического разделения в наше время уступает место важности культурной идентичности в условиях мультикультурных обществ. Однако прояснение концептуальных оснований данной теории межкультурной справедливости до сих пор представляет собой значительную теоретическую трудность.

Наряду с этнокультурной справедливостью большое значение имеет глобальная или международная справедливость. Нерешённость этой проблемы представляет главный источник угроз и нестабильности в современном мире, в том числе и для самого Запада. (Не случайно З. Бжезинский выступил с резкой критикой внешней политики администрации Буша-младшего, призвав Америку к радикальной смене приоритетов: от борьбы с международным терроризмом перейти к созданию более справедливого мироустройства.)

Современная трактовка справедливости в первую очередь полагает её как представление о должном, соответствующее определённом пониманию сущности человека и его прав и базируется на первичности её моральной значимости. При таком подходе она трактуется как обобщённая нравственная оценка общественных отношений, характеризующая как сами эти отношения в целом, так и отношение общества к индивиду, выступая одновременно общечеловеческим идеалом социального устройства [8]. А вот осуществление принципов социальной справедливости основывается на равенстве всех граждан перед законом, на создании правовых, политических и социально-экономических гарантий жизнедеятельности человека, на обеспечении высокого уровня его социальной защищённости [7] и является одной из основных задач социальной политики любого государства.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: В 2 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – С. 7–209.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – 736 с.
3. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант / Пер. с нем. Н. Лосского; Примеч. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.
4. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. / Дж. Локк / Под ред. И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – 623 с.
5. Спинозы Б. Этика / Б. Спиноза / Пер. с лат. Н. А. Иванцова. – СПб.: Аста-пресс Ltd, 1993. – 248 с.
6. Сомкин А. А. Актуальные концепции «целостной личности» в современной социальной философии / А. А. Сомкин; Науч. ред. проф. Д. Е. Фролов. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. – 121 с.
7. Сомкин А. А. Учение А. Дж. Баама о целостной личности и современном обществе / А. А. Сомкин ; науч. ред. проф. Д. Е. Фролов. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 84 с.
8. Сомкин А. А. Целостная личность и современный социум: единство и оппозиционность / А. А. Сомкин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010 – 292 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ РОДИТЕЛЬСТВА МОЛОДЁЖИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Исаков А.В.

Соискатель ученой степени кандидата наук Забайкальский государственный университет, г.Чита

Успешность задач социально-экономического развития России во многом определяется реализацией созидającego потенциала молодежи. Особое место в прогрессе общественного развития занимает семья, являющаяся одним из основных каналов воспроизводства, воспитания и социализации молодого поколения. Современная молодежь находится в сложных условиях трансформации прежних ценностей и формирования новых социально-экономических отношений, вследствие чего подрастающее поколение недостаточно подготовлено к семейной жизни, созданию семьи и ответственному родительству. По данным исследований конца XX – начала XXI вв. отмечается крайне низкий уровень подготовленности молодежи к родительству. Будущее родительство является сильной стороной отношений у 28% пар. У остальных пар ожидания, связанные с появлением ребенка, либо не совпадают, либо не соответствуют реальным трудностям, возникающим в молодой семье в связи с этим событием, более чем у 40% этот вопрос относится к сфере конфликта (Т.А. Гурко, И.В. Игнатова и др.). Так, например, одними из самых актуальных проблем современного общества является несовпадение биологической способности молодёжи к воспроизводству потомства с социально-нравственной и психологической готовностью быть родителем; постепенная переориентация молодого поколения с ценностями семьи, основанной на стабильном браке с несколькими детьми, на ценности внесемейные. Родительство, рождение и воспитание детей как смыслообразующие элементы жизнедеятельности семьи конкурируют с ценностями статуса, выбора стиля жизни, профессиональной и личной самореализации. Этот ценностный сдвиг изменяет отношение к родительству и формы и модели его реализации (суррогатное, однополое, профессиональное), не подкрепленные социокультурными традициями, образцами поведения [3].

Таким образом, в условиях цивилизационного культурного и антропологического сдвига происходит распространение ценностей индивидуализма, потребительства, гедонизма, а семья как социальный институт претерпевает существенные изменения.

Исследователи отмечают следующие негативные тенденции в молодёжной среде: нивелирование ценности и значимости семьи; трансформация традиционных семейных норм; подчеркивание негативной роли семьи для человека; размытие поведенческих норм, регулирующих выбор супруга, содержание родительских и супружеских ролей; исключение из субъективной картины жизненного пути перспектив, связанных с созданием семейных отношений; рост социально рискованных гендерных практик; снижение рождаемости, увеличение числа разводов и бездетных семей, массовый отказ от детей, рост беспризорных и безнадзорных детей и другие [А.И. Антонов, Т.А. Гурко, К.Н. Поливанова, А.Г. Харчев и др.].

Являясь одним из системообразующих оснований института семьи, родительство представляет собой относительно самостоятельную систему и социальный институт, основной задачей которого является обеспечение воспроизводства, взросления, освоения и реализации взрослости подрастающими поколениями (О.В.

Глезденева) [3]. Р. В. Овчарова определяет понятие «родительство» как интегральное образование личности, включающее совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания [5, с. 22].

Исходя из понимания семьи как целостного триединства родства - родительства - супружества, А.И. Антонов трактует родительство как стержневое для конструирования семьи отношение.

По мнению Т.А. Гурко, родительство включает родительское поведение, эмоциональные, когнитивные и нормативные аспекты, а родительские практики во всем мире имеют три сходных цели: забота о здоровье и безопасности детей, подготовка детей к взрослой жизни в качестве продуктивных граждан и передачу культурных ценностей [2]. Все указанные авторами составляющие родительства (ценностные ориентации, личностные позиции, ответственность, воспитание и др.) традиционно относятся к сфере философского анализа и могут быть интерпретированы с позиций аксиологического подхода.

В истории научной мысли прослеживается традиция исследования культурно-исторических типов субъектов любого таксономического уровня общественной организации в концентрированной форме выражающих эталоны культуры общества, например, в отношении человека, это «идеальный тип» М. Вебера, «образец» для разных социальных страт Л.А. Черной, «личностный образец» М. Осовской, «нормативная личность» Р. Линтона и т.д. [7]. Для обозначения образца родительства как социального института в последнее время употребляют следующие термины: сознательное, осознанное, ответственное, естественное, компетентное, просвещенное [1].

Как отмечает А.А. Абрамова данные конструкты затрагивают важные сферы представлений о нормативных чертах современного родительства, однако, на практике они оказываются сопряжены с неоднозначными тенденциями (например, экспансия государственной идеологии в приватное пространство семьи, установление государственного контроля над методами семейного воспитания через лицензирование родителей и др.). Поэтому по мнению исследователя осмысление феномена родительства целесообразно связывать с более широким контекстом «культуры родительства», рассматривая его как пространство национальной культуры на макро- и микро-системном уровнях [1]. Под «культурой родительства» автор понимает совокупность ценностных установок, поведенческих норм и различных практик, сложившихся в этнонациональной культуре относительно вынашивания, рождения и воспитания детей в соответствии с принятыми в данном обществе образцами и нормативными представлениями о желаемых качествах человека (идеальный культурный облик, культурный образец). Подобным образом интерпретируется культура родительства на макросистемном уровне, обусловленном общечеловеческими, этнокультурными и конкретно-историческими условиями. На микросистемном уровне культуру родительства А.А. Абрамова трактует как необходимую и достаточную совокупность общего (общечеловеческие ценности и социальные нормы), особенного (этнокультурные черты) и единичного (индивидуальный стиль отношений, поведения и деятельности, свойственной отцу и матери в конкретной семье). На этом уровне культура родительства есть совокупность отраженных в приватном пространстве семьи ценностных установок, поведенческих норм и различных практик, характерных для этнонациональной культуры и конкретного исторического этапа, отобранных и присвоенных в соответствии со значимыми для родителей образцами и нормативными представлениями об идеальном культурном облике человека [1].

Таким образом, культура родительства – системообразующая часть культуры семьи, специфика которой заключена в аксиологической составляющей сферы, связанной с планированием семьи, её репродуктивной функцией, беременностью, деторождением, отношением к детям, самоидентификацией взрослых как родителей, воспитанием младшего поколения.

Нам близок данный подход в связи с актуализацией аксиологического фактора феномена родительства, поскольку духовно-нравственная составляющая является системообразующей, задающей ценностно-смысловые координаты различных сфер жизнедеятельности человека и семьи: духовности, способности к творчеству и адаптации к современным условиям, целостности личности как мировоззренческих детерминант, отношения к окружающему миру, стиля семейного воспитания и общения, избираемых оздоровительных, педагогических, культурных, досуговых, религиозных практик, репродуктивных установок, эстетики дома и быта и др. [4, 6, 7]. Духовно-нравственная культура является ядром в аксиосфере родительства, наполняющее смыслами её структурные компоненты. Отсюда, одной из главных задач российского общества, имеющих чрезвычайное общественное значение, является формирование культуры родительства у современной молодёжи, полноценной в духовном и нравственном отношении, образ которой соответствует функции этой нормативной группы на данном историческом этапе общественного развития, чей «личностный образец» закрепляет в общественном сознании ценностные ориентиры культуры социума, в том числе, в сфере семейных отношений и семейного воспитания, основанные на исторических национальных традициях народов России.

Список литературы

1. Абрамова А.А. Сущность феномена «культура родительства» и проблемы его анализа» / «Социально-гуманитарные знания», № 5, 2010. С. 327 - 332.
2. Актуальные проблемы родительства в России / Отв. ред. Т. А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2013. 209 с.
3. Глезденева О. В. Модели родительства и факторы их формирования в современной России: дис. ... канд. социол. наук: М. 2007. 242 с.
4. Засухина В. Н. Биоэтика как аксиология жизни в современной России. М.: ЛЕНАНД, 2012. 144 с.
5. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт. 2006. 496 с.
6. Рогова А.В. Идеи воспитания человека культуры в философско-педагогической мысли России и русского зарубежья: Вторая половина XIX - первая половина XX вв.: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2004. 393 с.
7. Сысоева Ю.Ю. Историко-педагогический анализ «допонятийного» периода исследований феномена имиджа личности // Гуманитарный вектор. Серия «Педагогика и психология». 2013. №1 (33). С. 36 – 44.

СЕКЦИЯ №27.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Петрова Н.Н, Андреев Я.С., Федотов А.Р.

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, г.Казань

Динамизм общественного бытия выдвигает на первый план значимость ситуативного, фрагментарного, неопределенного, виртуального. По мнению известного социолога Э. Гидденса мир на переломе веков, наш сегодняшний мир, вовсе не стал более устойчивым, предсказуемым и управляемым, он вовсе вышел из-под контроля - « ускользает из рук». Стремительно меняются не только экономические и политические явления, меняются нормы, ценности и традиции. Нужны ли такому ускользающему миру общечеловеческие ценности?

В традиционных социальных структурах господствовали моральные принципы, выбитые на Моисеевых скрижалях и утверждаемые Буддой, Конфуцием, Христом и Магометом. Модернистский позитивизм ограничил абсолютность теологических концепций, но не идею о том, что мораль базируется на универсальных принципах, социализирующих и дисциплинирующих человека, его свободную волю. В устойчивых общественных пространствах, утверждает известный социолог З.Бауман, создавались нормы, «вершилось и горизонтально распределялось «правосудие», и тем самым, собеседники превращались в сообщество отличное от других и сплоченное общими критериями оценки»[1].

В эпоху модерна мораль являлась конструкцией этического кодекса постулируемого высшим порядком - богом, разумом, государством. Ее основной вектор – регуляция отношений между обществом и индивидом. Постмодерн разрушил кодекс универсальных моральных принципов и социальность морали. Людей уже нельзя оценить как плохих или хороших. Они скорее - «морально амбивалентны». Отсутствие устойчивого механизма морального контроля приводит к неразрешимости моральных проблем. Однако мораль не исчезает. Она становится «моралью без этики». Моральная жизнь предстает как постоянный выбор наугад до всяких правил.

Поскольку особую значимость в постмодернистской культуре приобретает потребность быть «для другого», то мораль обращается к поиску регуляторов ситуативного межличностного взаимодействия. Люди встречаются на пересечении значимых для них в данный момент интересов. Флэшмоб или воскресный супермаркет с развлечениями могут рассматриваться как своего рода аналоги таких возникающих социальных объединений. На территории, лишенной устойчивого публичного пространства, существует мало возможностей для столкновения ценностей, обсуждения норм и выработки компромиссов. В пространстве временных связей вопрос об общепринятых оценках и нормах практически не возникает. Никакой приговор не подвергается сомнению, поскольку нет такого высшего суда, которому можно было бы адресовать вопросы - «судьи не оставили адреса - даже адреса электронной почты — и никто не может сказать с уверенностью, где они находятся».[1]

Однако приоритет экзистенциального выбора, плюрализм всех форм жизнедеятельности не могут и не должны исключать существование общечеловеческих ценностей.

Общечеловеческие ценности – это универсальные, фундаментальные нормы и принципы, имеющие абсолютную значимость для людей любой культуры и любой исторической эпохи. Непреходящими являются ценности добра, гуманизма, справедливости, милосердия, достоинства личности, красоты, истины и веры. Основопологающей ценностью является и сама жизнь человека.

В настоящее время – в эпоху обострения глобальных проблем, усиления социальных потрясений, деструктивных процессов в политике, обесценивания моральных принципов – проблема общечеловеческих ценностей приобретает особую значимость. Геополитические конфликты, теракты, гуманитарные катастрофы в немалой степени возникают из-за несоблюдения общечеловеческих ценностей. Некоторые страны ведут весьма агрессивную политику, используют любые средства для достижения своих целей. К примеру, Соединенные Штаты Америки уже с начала холодной войны навязывают свою гегемонию, «диктуют» другим странам свои представления о демократии и ценностях жизни. В Украине страдают и гибнут дети, поднимает голову неонацизм. Ценности в политике связаны со сложнейшим модусом совокупных отношений социальных субъектов, эти ценности признающих. Если бы общечеловеческие ценности являлись базовыми принципами в отношении государств, то многих социальных катастроф удалось бы избежать.

Гуманизм должен являться главным и основополагающим принципом, определяющим стратегию поведения людей, стран, наций. Гуманизм (с латыни *humanitas*— «человечность») - демократическая и этическая позиция утверждающая, что человеческие существа имеют право и обязанность определять смысл и форму жизни. Гуманизм призывает к построению более гуманного общества, признающего жизнь как высшую ценность данную нам. Государства, не пренебрегающие гуманистическими принципами, имеют больше возможностей сохранять мир как внутри страны, так и за ее пределами, сохранять стабильное сосуществование. Однако нельзя не согласиться, что даже нравственные истины, не могут рассматриваться догматически. К примеру, гуманизм, основанный на слепом фанатичном отстранении от насилия, может привести к падению целой страны.

С точки зрения известного социолога П.Сорокина наличие устойчивой системы ценностей является системообразующим фактором, ключевым условием существования как мировых культур, так и внутреннего мира личности. Общечеловеческие ценности играют огромную роль в развитии индивида, дают ему возможность лучше познать самого себя. Они определяют вектор направленности пути, по которому следует человек, помогают ему четко осознать последствия и результаты своей деятельности.

Благодаря общечеловеческим ценностям человек способен научиться видеть грань между истиной и ложью, добром и злом, милосердием и жестокостью, щедростью и корыстью, честностью и бесчестьем. Доброта и щедрость всегда помогали людям создавать и сохранять прочные связи и отношения. Честность - это качество, на которой держится стабильность. Она помогает людям вести совместную деятельность. Благодаря этому качеству люди способны доверять друг другу даже в самых критических, пограничных ситуациях. Милосердие - это великое состояние души, которое направляет человека только на проявление благих намерений. Милосердие есть искреннее, доброжелательное и всепрощающее отношение к другому человеку. Еще в средние века считалось, что рыцарь, проявивший милосердие по отношению к своему сопернику, является человеком благородным и отважным. В христианской этике утверждается, что в милосердии человек посвящает себя Богу и тем самым открывается добру. С этической точки зрения милосердие есть долг человека, в котором он призван осуществить нравственный идеал.

Социокультурная ситуация современности – это ситуация становления единого, целостного, взаимосвязанного мира. Духовным основанием глобализирующегося мира являются общечеловеческие ценности. Императив общечеловеческих норм и принципов способствует устранению непримиримости и враждебности в отношениях между странами и народами, создает возможность диалога, усиливает толерантность, обеспечивает открытость и прозрачность в решении проблем, стоящих сегодня перед человечеством.

Оценивание всех сфер жизни общества и личности с позиций общечеловеческих ценностей вскрывает глубинный, экзистенциальный смысл бытия, бросает гуманитарный и гуманистический вызов миру. Представления об общечеловеческих ценностях складывались веками и тысячелетиями. Только следуя этим идеалам и принципам, человечество сможет выжить. Иначе оно погибнет. Поэтому жизнь в обществе для любого человека должна соотноситься с основными законами бытия человека. «Всем нам, утверждает З.Бауман, необходимы нравственные убеждения, которые выше мелких забот и дрязг повседневности. Мы должны быть готовы активно отстаивать эти ценности, если они плохо приживаются или оказываются под угрозой. Сама космополитическая мораль должна вдохновляться страстью. Нам всем было бы незачем жить, если бы у нас не было того, за что стоит умереть»[2.с.66]. Кант утверждал, что человек всегда цель, а не средство.

Практика начала 21 века убеждает нас в том, что без опоры на универсальные духовные принципы максима Канта о человека как высшей ценности не работает.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004.[Электронный ресурс] - StudFiles.ru»preview/18524499 (дата обращения – 14.06.15).
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь.- М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – 120с.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

СЕКЦИЯ №28.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных общественных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в общественных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы общественных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных общественных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития общественных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Общественные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы общественных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция «**Общественные науки: вопросы и тенденции развития**», г.**Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

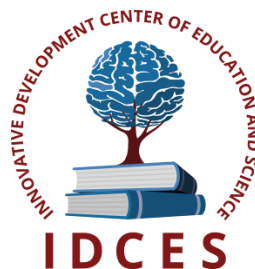
II Международная научно-практическая конференция «**Перспективы развития современных общественных наук**», г.**Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Общественные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

О ВОПРОСАХ И ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(6 июля 2015г.)**

**г. Челябинск
2015 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 06.07.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 4,3.
Тираж 250 экз. Заказ № 253.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58